

Владимир Колганов

Булгаков и КНЯГИНЯ

Покаянные сны
Загадочная К.

18+

Владимир Алексеевич Колганов

Булгаков и княгиня

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55614279

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-05993-1

Аннотация

В этой книге представлены статья под названием «Загадочная К.», посвящённая любви Михаила Булгакова к очаровательной княгине Кире, и роман «Покаянные сны», в котором соединены авторская интерпретация событий, описанных в статье, и фантастическая история, являющаяся продолжением этих событий. Источниками информации послужили архивы Пушкинского дома и адресные книги городов Российской империи. Оформление обложки выполнено автором.

Содержание

Покаянные сны	4
Предисловие	4
I	7
II	11
III	25
IV	36
V	42
VI	58
VII	79
VIII	86
IX	96
X	114
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Владимир Колганов Булгаков и княгиня

Покаянные сны

Предисловие

Сказать по правде, на авторство этого романа я не претендую. Во всяком случае, на ту очень небольшую его часть, которая явилась вольным, а кое-где чуть ли не дословным изложением текстов, принадлежащих перу известного писателя. Теперь, надеюсь, ни у кого не возникнет подозрений, будто пытаюсь заработать литературный капитал путём вульгарного заимствования. Но дело тут совсем в другом. Нет лучшего способа рассказать о жизни литератора, чем сделать это его собственными словами. С другой стороны, было бы наивным ожидать признания во всех грехах, упоминания тайных встреч, интимных сцен, написанных в жанре автобиографии. Вот если б исповедь, а так... В общем, рассчитывать можно лишь на то, что ненароком обнаружишь в дневниках, а более всего хотелось бы надеяться, что часть своего «Я» писатель передал своим героям. Если удалось такие откровения найти, они, несомненно, могут послужить осно-

вой. И всё же наиболее дотошных читателей хочу предупредить: если увидите в тексте строки или слегка перефразированные отрывки из его произведений, берите в руки карандаш и смело заключайте их в кавычки. Я от использования цитат не отрекусь, однако и вы должны понять: это же всё-таки роман, а не научное исследование.

Весьма опрометчивым стало бы предположение, будто всё, о чём тут написал, произошло на самом деле. Увы, восстановить эту историю в подробностях мне не дано, приходится дать волю и своей фантазии. Так что заранее хочу предупредить ненужные сомнения: любое совпадение с обстоятельствами жизни реальных лиц следует признать случайным. Столь же напрасной стала бы попытка уверить себя в том, что главными героями являются автор «закатного» романа Михаил Афанасьевич Булгаков и княгиня Кира Алексеевна Козловская. Да мало ли на свете людей с такими же фамилиями или именами! По правде говоря, созданные моим воображением мысли, чувства и поступки следовало бы однозначно приписать выдуманному, никогда не существовавшему персонажам. Однако за выходящими из-под пера строками вновь вижу всё те же узнаваемые лица – замечательного русского писателя и очаровательной молодой дамы из аристократической семьи.

А между тем, вероятность описанных событий не столь уж мизерна, как может показаться. Более того, логически обоснована и подтверждается рядом косвенных свидетельств.

Впрочем, каждый может интерпретировать подобные свидетельства по-своему. Ну, вот и я... Что же до тех более чем странных превращений, которые случились после приезда писателя в Москву, то это чистая фантазия. Однако надо же дать возможность главному герою разобраться в том, что произошло, и, если где-то согрешил, попробовать что-нибудь исправить. Увы, в жизни не всегда так получается, зато вполне реально это сделать на страницах книги.

I

В комнате полумрак. Может показаться, что здесь никого нет, но это совсем не так. Потому что там, на кровати, под грудой скомканных простыней и одеял – это я. Ни рук, ни ног... Не видно даже головы. Но это точно я. Я это знаю.

Мне плохо. Очень плохо! Так плохо, как только может быть в том состоянии, в котором нахожусь... Кто сможет мне помочь? Я сам? Да что вы, это невозможно... Тася! Тася! Где ты? Ну, в самом деле, сколько ещё можно ждать!.. Но вот я слышу её быстрые шаги.

Тася – это моя несчастная жена. А я врач, обыкновенный сельский врач, богом забытый в этой деревенской глухомани.

– Я не буду больше готовить раствор, – это говорит она.

Вот ведь как! Вместо того, чтобы помочь, опять напрашивается на скандал. Я всё же пытаюсь уговорить:

- Глупости, Туся. Что я, маленький, что ли?
- Не буду. Ты погибнешь.
- Пойми, что у меня болит в груди!
- Лечись.
- Где? У кого? Да кто меня здесь вылечит?
- Тогда уедем отсюда. Здесь ты пропадёшь. Морфием не лечатся, – потом, видимо, подумала и добавляет: – Простить

себе не могу, что приготовила тогда вторую дозу.

– Да что я, наркоман, что ли? Что это тебе взбрело такое в голову? – честно скажу, я возмущён её предположением.

– Да, ты становишься морфинистом, – отвечает.

– Так не пойдёшь? – я чувствую, как во мне поднимается, вскипает злость.

– Нет!

Злость стала огромна, невероятно велика. Злость давит, она душит меня. Не в силах ей противостоять, я выхватил револьвер из ящика стола.

– Чего ты ждёшь? Стреляй! – Тася удивительно спокойна. Я бы сказал, убийственно спокойна.

Стрелять или не стрелять?

– Себя ты всё равно не спасёшь, а для меня, наконец-то, закончится кошмар.

– Тогда я застрелю себя! Смотри! Ну неужели тебе меня нисколечко не жалко?

– Стреляй...

Я подношу револьвер к виску и думаю, нажать на спусковой крючок или не стоит?

И тут только понимаю, что револьвер-то не заряжен.

– Ах ты дрянь! Ты даже уйти из жизни мне не позволяешь! Гнусная лицемерка! Обманщица!

Схватив револьвер за дуло, я бросаюсь на неё. Вот тут она и вправду испугалась. Мы боремся. Она оказывается сильнее меня... Изнемогаю... Устал... Сил никаких нет...

И вот я снова на кровати. А Тася здесь же, рядом, гладит меня рукой по голове.

– Бедненький мой! Ну успокойся.

А как тут успокоишься, когда вся жизнь наперекосяк!

– Тася! Я так больше не могу. Я здесь погибну!

– Давай вернёмся в Киев ...

Надо признать, что у моей супруги редко, но всё же возникают в голове кое-какие мысли. Я даже, несмотря на нынешнее своё состояние, готов их обсудить.

– И что нам делать в Киеве?

– Там твои близкие, там доктора, – она всё о своём, а я уже не могу слушать эти её убогие советы, эти бабьи причитания.

– Зачем мне доктора? Я сам доктор!

– Не хочешь в Киев? Ну тогда в Москву поедем. Добьёшься перевода в другое место, если жить здесь совсем не могу.

Как же я сразу-то не догадался? Ведь она подсказывает выход. Всё понимает, только виду не подаёт.

– Да! Да! В Москву! Завтра же и поеду... – странно, но я чувствую, что мне внезапно полегчало.

– А я?

Ну вот опять? Так вроде бы начинает хорошо, а потом снова переходит на банальности.

– Зачем тебе? Я вот насчёт работы съезжу, договорюсь о переводе, зарплату получу, а уж тогда...

Плачет.

– Я знаю. Ты опять к ней. Зачем я только подсказала?

– Да что ты мелешь ерунду! Причём тут... – разыгрываю возмущение, стараясь не смотреть в её глаза.

– Это она тебя сгубила! Ты посмотри на свои руки, посмотри.

– Немного дрожат. И что? Это не мешает мне работать.

– Ты посмотри, они прозрачны. Кожа да кости... Взгляни на своё лицо... Ты погибаешь. И всё из-за своей княгини. Она тебя довела...

Ну что мне ей сказать, если я сам в себе не в силах разобраться?

– Успокойся. Спасибо морфию, он меня избавил от неё. Вместо неё – только морфий.

– Ах, Боже мой! Что мне делать?

Вижу, что она смирилась. Неужели так любит? Или попросту привыкла? Я до сих пор не понимаю, зачем не ушла ещё тогда... Клятва верности перед алтарём? Своеобразно понятый долг перед своим супругом? Ну что ж, у каждого своя судьба. Свой приговор.

II

В тот раз я приезжал в Москву за новым назначением. Во фронтовом госпитале толку от меня было мало, а в сельской местности не хватало докторов – опытных врачей отправляли в действующую армию. В принципе, я был не прочь потрудиться на ниве оздоровления страждущих от геморроя или инфлюэнции, поскольку отрезание рук, ног и зашивание под гром артиллерийской канонады вспоротых осколками снаряда животов меня уже не увлекало.

Остановился я у дяди, в шикарном доме на Пречистенке. Если быть точным, я стал желанным гостем сразу для обоих дядьёв. Ведь как-никак не только близкая родня, но и коллеги по профессии! Один из них занимался женскими болезнями, другой увлёкся лечением детей. Шесть комнат, изысканная мебель. Судя по обстановке в доме, врачебная практика была делом очень прибыльным. Впрочем, я так никогда и не осмелился спросить, кому из них больше повезло – то ли педиатру, то ли гинекологу.

В итоге блуждания по инстанциям новое направление я получил. Мне предстояло трудиться в сельской больнице где-то под Смоленском. Испытывая понятное волнение и сохраняя веру в то, что ещё удастся сделать что-то стоящее в этой жизни, я направлялся к дому, надо же было успокоить родственников...

И вдруг увидел её.

Она шла навстречу мне, по тому же тротуару. Изящная молодая дама с благородной осанкой, с красивым, но почему-то очень грустным лицом. Если бы не эта неожиданная грусть, я бы, наверное, её и не заметил – мало ли красивых женщин можно повстречать в Москве. А тут в моём воображении сразу возник некий не вполне законченный сюжет. Будто бы муж ушёл сражаться на войну, а она осталась совсем одна в этом огромном городе, где нет ни знакомых, ни друзей. И ещё показалось, что только я смогу её утешить. Да, видимо, так было предназначено судьбой.

К моему удивлению, слова незнакомого человека были встречены более чем благосклонно. Видимо, молодая женщина отчаянно нуждалась в друге, способном поддержать в трудную минуту, весёлой болтовнёй отвлечь от наболевшего. Кто знает, о чём она подумала в тот момент, когда взглянула на меня и на её лице появилась едва заметная улыбка.

Потом мы с ней гуляли по Москве, она рассказывала о себе. Судя по всему, у неё была потребность выговориться, словно бы она напрочь была лишена такой возможности прежде, до того, как встретила меня. Я чувствовал её доверие и испытывал такую радость, какая бывает лишь при встрече с близким другом, с которым виделся лишь много лет назад.

И тут она произнесла одно магическое слово – Карачев. Маленький уездный город на Орловщине, где до сих пор жи-

вёт моя родня. Но, по словам новой знакомой, там же, неподалёку от Карачева находится имение её отца. Вот ведь поворот судьбы! Эдакий замысловатый зигзаг, столкнувший нас в глухом московском переулке. Похоже, и у неё, и у меня одновременно возникла мысль: ах, почему же мы не встретились тогда?! В то дивное время, когда не было войны, когда мы оба томились в ожидании будущего счастья, и не было ещё ни мужа у неё, ни у меня вконец опостылевшей жены. Впрочем, о своей женитьбе я ей не рассказывал.

На следующий день мы снова были вместе. Снова бродили по Москве. Снова она вспоминала о своих родных, о жизни в Петербурге, о том, как познакомилась с будущим супругом. Это же надо – князь! Впрочем, ещё неизвестно, кому из нас больше повезло – дочери статского советника, вышедшей замуж за сиятельного, или же мне, безвестному врачу, сыну небогатых, властью не обласканных родителей. Мог ли я рассчитывать на подобное знакомство? Да ни в жизнь! Остаётся верить в странные закономерности судьбы и загадочное свойство этого переулка на Пречистенке.

А между тем было у нас ещё нечто общее. Оба мы в прежние годы увлеклись театром – в моде тогда были домашние спектакли, что-то лёгкое, с обилием комических сцен. Я и сам ставил пьески, и даже сочинял – в основном, смешное, пародийное. Кстати, ведь и она познакомилась с князем на домашнем представлении. Было это в доме у графини Шуваловой на Фонтанке, в Петербурге. Только представьте испол-

нителей ролей – княжна Голицына, баронесса Мейендорф, княжна и князь Оболенские! И среди них не столь родовитая, но на редкость привлекательная, чудесная, неповторимая мадемуазель Кира, дочь камергера и богатого помещика.

– Вы знаете, всё получилось весьма забавно, – Кира улыбнулась. – После спектакля князь подошёл ко мне, представился. Похвалил мою игру, хотя сразу вам скажу, что роль у меня была эпизодическая. Однако он, ссылаясь на свой опыт работы в дирекции императорских театров, убеждал, что я была неподражаема, ну просто лучше всех. Потом как бы невзначай выяснил, кто мой отец. И вдруг после этого испросил разрешения нанести визит – мы тогда жили на Бассейной. Я-то рассчитывала, что он мне предложит ангажемент в театре... – Кира рассмеялась.

А я был рад тому, что мне удалось её развеселить. Хотя, честно скажу, большой моей заслуги в этом не было. Потому что говорила в основном она, вспоминала смешные случаи из прежней жизни, красочно описывала некоторых персонажей из тогдашней элиты Петербурга. Моя же роль свелась к поддакиванию, к усиленному киванию головой. Да и что я мог бы рассказать, когда перед глазами, стоило задуматься, возникали распластанные на столах тела в операционной и кровь, кровь, кровь... В общем, кошмарные будни фронтального госпиталя. Кстати, возможно, именно моя шинель военного врача и привлекла внимание княгини. Да, всего-навсего, не более того – надо же иметь в виду, что шла война, а

среди дворянской знати были весьма распространены патристические настроения. И только когда Кира изредка бросала на меня свой нежный взгляд, возникало впечатление, что роль моя в этой пьесе не столь уж незначительна, а финал может оказаться куда более приятным.

О юных годах, о жизни в имении под Карачевом вплоть до отъезда в Петербург Кира вспоминала неохотно. Рассказывала о подругах, но вот об отношениях в семье не хотела вспоминать. Видимо, было что-то такое в эти годы, что способно враз испортить настроение, даже вызвать нервный срыв. словно бы взяла вот и отрезала, постаралась начисто забыть. Есть такое ценное свойство у нашей памяти – события тягостные, гнетущие ей удаётся так запрятать, что, если и захочешь, не достать, не отыскать. И опять – я ведь тоже без особой радости вспоминаю своего отца. Правду сказать, стараюсь вовсе о том времени не думать.

За несколько лет до знакомства с князем Кира решилась на серьёзный шаг. Повторюсь, что причина для меня осталась неизвестна, то есть, конечно, я кое-что подозревал, но утверждать категорически нет у меня ни малейших оснований. Вроде бы что-то произошло у них в семье, в результате чего вдруг обострилась болезнь матери, ну а Кира утратила прежнее доверие к отцу. Во всяком случае, с её слов именно так мне показалось.

И вот я слушал о том, как Кира покинула имение, где семья в те годы жила почти что постоянно, и неожиданно

отправилась в Петербург. Это была попытка начать самостоятельную жизнь, выбраться из омута семейных и бытовых проблем, который затягивал, лишал надежд на личное счастье. Надо полагать, провинциальные ухажёры Киру не устраивали. Была ещё одна причина – очень хотелось пополнить свои знания. Девушек тогда в университет не принимали, однако стали появляться учебные заведения именно для них. Вот так она оказалась на курсах, учреждённых в Петербурге госпожой Бобрищевой-Пушкиной. Ах, мне ли Киру не понять! Собственно говоря, весьма поверхностное образование, полученное Тасей, явилось одной из главных причин наших нынешних размолвок. Каждый согласится со мной, кто по десятку раз на день выслушивал бессмысленный бабь трёп, стонал с закрытым ртом, внимая очередному рассказу про сварливую соседку, мысленно бился в истерике, думая о том, что ещё предстоит в последующие несколько лет. А уж если учесть полнейшее равнодушие моей Таси и к литературе, и к театру...

Да, не всякой женщине оказывается по нутру жизнь, ограниченная заботами о муже и ежедневными хлопотами по дому. Похоже, Кира была не из таких.

Мы уже свернули с Пречистенки в наш переулок... и тут я вспомнил. В кармане армейской гимнастёрке у меня лежал сложенный листок бумаги, на котором раненый офицер там, в госпитале, написал своей жене несколько строк. Помнится, он представился как князь... Ах, да неужто?.. Адрес...

Прежде, чем достать письмо, я отчаянно пытался вспомнить адрес... Ну конечно! Он назвал переулок на Пречистенке, а я ответил, что в том же переулке живут мои дядья.

– Да где же оно? – я остановился и стал суетливо шарить по карманам, вызвав беспокойство Киры.

– Вы не здоровы? – участливо спросила она.

– Я?.. Нет-нет, что вы, что вы! Просто чуть не забыл... – тут, наконец, нашёл письмо и протянул его княгине, будучи уже совершенно уверен, что предназначено письмо только для неё. – Это передал мне раненый офицер в госпитале под Каменец-Подольским. Ранение очень лёгкое, вы не беспокойтесь...

– Да как же оно попало к вам?

– Так уж случилось, что я собирался в Москву за новым назначением. И вот, узнав об этом, князь попросил меня передать письмо. Как можно было отказаться, когда и адрес-то такой знакомый?

Княгиня, близоруко щурясь, читала письмо, а я с интересом наблюдал за её реакцией. Вот чуть улыбнулась, слегка скривила губы, вздохнула... и быстрым движением сунула лист бумаги в ридикюль.

– Так вы военный врач? – спросила она, словно никакого письма никогда и не было.

– Да... То есть нет, – слегка запнулся я. – Скорее всего, меня отправят работать в уездную больницу где-то неподалёку от Москвы, – сказал, будто наверняка ничего ещё не

знал. Но очень уж непристужно выглядел адрес деревеньки под Смоленском.

– Как это хорошо! – воскликнула княгиня. – Вы будете вдали от войны, от этих ужасов. Ах, когда же всё это закончится? – вздохнула, помолчала и затем игриво посмотрела на меня. – А кстати, вы сможете иногда навещать в Москву. Надеюсь, что работы будет не много, не то, что там, в военном госпитале?

– Я тоже надеюсь, – коротко ответил я, поскольку мысли мои в тот момент были заняты совсем другим.

Кира ещё что-то говорила, я краем уха слушал, кивая головой. Возможно, даже отвечал ей невпопад, но к счастью она этого не замечала. А перед глазами у меня возникла странная, завораживающая сцена – князь и княгиня в спальне вскоре после сладостных минут любви. Жаль, но самые интересные события остались словно бы за кадром.

Итак, Юрий Михайлович без пиджака, в одной белой зефирной сорочке, сидел на краю кровати и говорил женщине с бледным и матовым лицом такие слова:

– Ну, Кира, я окончательно решил и поступаю в Конный артиллерийский полк.

На это княгиня, ещё не вполне пришедшая в себя после недавних объятий, отвечала так:

– Мне очень жаль, но иногда я не могу понять твоих желаний. Не понимаю и сейчас.

Князь опрокинул в рот рюмку коньяку и произнёс:

– Да и не нужно.

Через два дня после этого разговора Юрий Михайлович преобразился. Вместо цилиндра на нём оказалась фуражка блином, а вместо штатского платья – длиннополая шинель и какие-то слишком уж нарядные для такого страшного дела, как война, погоны вольноопределяющегося.

Потом сделали фотографию на память, всей семьёй посидели за столом, мать Юрия Михайловича всплакнула – всё как полагается, – и князь отправился на фронт защищать от басурманов родимое отечество.

В общем, я уже сказал, что всё, как у людей. В те дни многие жёны провожали мужей на фронт, просили, чтобы муж берёг себя и чтобы не забывал писать. Однако вот чего я не могу понять. Почему же Кира никак, то есть никоим образом не выразила мне благодарность за письмо? Не бросилась на шею, не расцеловала, не расплакалась. На мой взгляд, это было бы вполне естественно. А впрочем, кто их разберёт – этих представителей дворянской знати? Чопорные, скупые в выражении своих чувств, они слезинки не уронят на людях. Тем более в присутствии человека низшего сословия. Впрочем, откуда ей об этом знать?..

Если же, напротив, её реакция на письмо была предельно искренней, это обстоятельство значительно увеличивало мои шансы... На что? В этом я и сам себе признаться не хотел. Попросту гнал, гнал от себя такие мысли...

– А вот интересно было бы узнать, чему нынче учат там,

на женских курсах? – поинтересовался я, когда Кира вновь заговорила о жизни в Петербурге. – Кое-что слышал, однако с трудом представляю себе, что вы обучались там изящным рукоделиям, либо выжиганию по дереву, а то и вовсе рисованию розанчиков и некоего подобия виньеток на фарфоре.

– Вы правы, – рассмеялась Кира. – Стоило ли уезжать из дома, чтобы посвятить себя занятиям совершенно бесполезным? Да-да, вы правы, на курсы меня привлекла возможность изучения новых языков. Немецкий я неплохо знала, поскольку моя мать, она из обрусевших немцев, в некоторых обстоятельствах не могла обойтись без объяснений на этом языке...

Я тут же представил себе, как строгая мамаша учит уму-разуму своё дитя, приучая к немецкому порядку, и мне стало очень жалко Киру. На мой взгляд, даже вульгарный русский мат для нашего слуха куда более приятен, нежели нравоучения на чужеземном языке. Впрочем, повторяюсь, это не более чем личное мнение военврача, только что приехавшего с фронта.

– Знанием французского я обязана отцу и гувернантке, – продолжала Кира. – Этот язык давался мне на удивление легко. Вот английского я тогда не понимала, но так хотелось почитать в оригинале Шекспира или Байрона!

А я смотрел на неё и удивлялся. Мало того, что из дворян, княгиня. Мало того, что на редкость хороша собой. Но вот ведь выясняется, что ещё и умница какая! Честно вам скажу,

таких слов ни об одной из встреченных мне в жизни женщин я бы не сказал. Ни до, ни после нашего знакомства с Кирой.

Мы уже почти закончили прогулку. Я, как и в прошлый раз, собирался попрощаться, не провожая княгиню до порога дома. Так для неё было бы спокойнее, хотя оба мы казались тогда людьми без предрассудков. Но тут за моей спиной послышалось:

– О-ля-ля! Wie interessant du die Zeit durchführst, Meine nette Fürstin!

(сноска: Как интересно ты проводишь время, моя милая княгиня!)

Кира остановилась, резко обернулась:

– Ах, милая тётушка! Опять ты пытаешься влезть не в свои дела, – и добавила ещё что-то по-немецки.

– Ладно, ладно, Кирочка. Ты не сердись, я это не со зла. А кстати, могла бы и познакомить со своим новым кавалером.

– Ну вот опять! Послушайте, Маргарита Карловна, ещё чуть-чуть и я не на шутку рассержусь. Какая вам радость позорить меня перед Михаилом! – и перейдя на «ты», добавила: – Тем более, что всё ты врёшь...

– Ах, значит, прелестного офицера зовут Мишель? – улыбнулась тётушка. – Да, да, хорош... Твой вкус тебе не изменяет, Кирочка, – она рассматривала меня так, как выбирают пирожные в кондитерской Филиппова. – Ну, здравствуйте, Михаил. Я Кирина тётя, Маргарита Карловна. Но, вот незадача, пока что не графиня, не княгиня и даже не

княжна, – тётя вдруг расхохоталась.

Слегка поклонившись, я представился, не зная, что ещё добавить. Собственно говоря, доказывать то, что Кирина тётя не являлась титулованной особой, не было никакой нужды. Это было столь же излишне, сколь и очевидно. Передо мной стояла смуглая женщина с горбатым носом, несколько вертлявая, я бы так сказал. Из-под широкополой шляпки выбивались локоны чуть рыжеватых волос. Я, было, заподозрил, уж не крашенная ли? Да что гадать – наверняка! В одежде её чувствовалось пристрастие к последним веяниям моды, возможно даже, намерение эпатировать публику своим нарядом. Скорее всего, привычным местом обитания тётки были литературные вечера со всякими там футуро... ну и прочими эмажинистами. Я даже был готов поверить, что она в близком знакомстве с Давидом Бурлюком. Хотя его стихов я, понятное дело, не любил, но тут почему-то вспомнилось:

Каждый молод молод молод

В животе чертовский голод

Все что встретим на пути

Может в пищу нам идти...

Вот и я, судя по всему, воспринимался ею в кулинарном смысле исключительно.

И ещё одно обстоятельство следует отметить. Один глаз у тётушки был зелёный, другой мне показался карим. И оба, что называется, косили кто куда! Я поначалу попытался проследить за её зрачками, но тут же отказался от этого занятия,

поскольку почувствовал, что вот ещё чуть-чуть и сам... У меня даже заболела голова.

Сославшись на недомогание, я поспешил откланяться. А вслед мне раздались наверняка какие-то малоприятные слова... По счастью, немецкого я тогда не знал. Да что говорить, и теперь не знаю.

Несколько дней минули незаметно. Дольше я уже не мог затягивать отъезд. Мы договорились, что непременно позволю, когда в следующий раз мне удастся вырваться в Москву. Кира призналась, что была бы очень рада, особенно, если мы встретимся двадцатого декабря. Как я узнал потом, это был день её рождения.

До сих пор не могу себе простить, что не решился тогда бросить всё и не остался. Пусть бы меня считали дезертиром, пусть бы я прятался по подвалам, чердакам... Главное, чтобы была возможность видеть её. Каждый день, каждый час и каждую минуту! Только её одну и больше никаких Татьян и Маргарит!

Смутило то, что я боялся стать обузой. Бедный врач и привыкшая к роскоши княгиня – можно ли представить себе такой фантастический альянс? Впрочем, мы тогда ни о чём таком и не задумывались. Хотя, пожалуй, где-то в глубине моей души уже рождалась подобная мечта. Только бы стать прочно на ноги, добиться положения в обществе и славы. И вот тогда... Но о чём же думала она? Этого я до сих пор не знаю.

Так было в прошлом году. И вот я снова в поезде, трясусь в расхлябанном вагоне. В Москву! В Москву!

III

Была ещё одна встреча с ненаглядной моей Кирой. Мы возвращались с Тасей из отпуска. Тася всё уговаривала, чтобы поехать с вокзала на вокзал и не задерживаться ни на час в первопрестольной. Только ведь ей переубедить меня ещё не удавалось никогда. Снова едем к моим дядьям в Обухов, на Пречистенку.

Ну вот наконец знакомый переулочек. Извозчик остановился на углу. Вместе с Тасей я поднимаюсь наверх, а самому не терпится бежать туда, вглубь переулочка... А что если будет снова знак судьбы? Вдруг снова она и я, одни на пустынном тротуаре? Но даже если нет, так хотя бы в окна загляну – может быть, почувствует, отодвинет занавеску, выглянет... Кира! Кира! Нет-нет, я не закричу. Даже камешек в окно не брошу... Так что же делать? Ах да! Нужен телефон.

Я в нетерпении, весь погружён в свои желания, в мечты, а Тася смотрит на меня широко раскрытыми глазами. Кажется, вот-вот заплачет... Сейчас, сейчас, только дыхание переведу... Ты не мешай...

– Барышня! Тридцать два ноль семь... Да-да... Поскорей, пожалуйста... Да!.. Здравствуйте! Я Михаил, военный врач. Вы помните, вы не забыли меня, Кира?

В ответ слышу знакомый, бесконечно дорогой, но поразительно спокойный голос:

– Я? Как я могла забыть вас? Разве мы знакомы?

Такое впечатление, что это не она. То есть она, конечно, но совсем другая.

– Ну как же! Это было прошлой осенью... – пытаюсь на-помнить ей, как всё это началось. – Мы шли по скучному, кривому переулку. Я помню, что не было в том переулке ни души. Я пристально следил за вами, пока вы шли, и понял, что нет никого прекраснее на свете. И долго мучился, не зная, как заговорить. И боялся, что вот уйдёте, а я никогда вас больше не увижу... Вы помните? Какое было счастье, когда всё же решился подойти!

– О чём вы?

Вот-те раз! Так Кира это или же не Кира?

– Неужели забыли про Карачев? Там где-то имение вашего отца.

Не помнит или всё же притворяется? Зачем?

– Я и рада бы вспомнить, если мы встречались. Но где?

– Да здесь, в Обуховом! – я уже начинаю сомневаться. – Впрочем, какая разница! Вы помните или же успели всё забыть?

– Допустим, помню, – то ли решила уступить, то ли намерена и дальше продолжать жестокую игру. – Так что же между нами было?

Я чувствую, что еле сдерживает смех. Ах, как же они любят подразнить влюблённого мужчину!

– Мне как-то неудобно вам напоминать?

– Ах так! – чувствую, что снова улыбается.

Пожалуй, стоит ещё раз попробовать.

– Как вы прекрасны, Кира!

– Ах, что вы... – я знаю, что лёгкий румянец появился на её щеках.

– Вот только сейчас я шёл по переулку мимо дома, но шторы были закрыты... – чуть слукавил.

– Я не люблю дневного света, вечерний сумрак успокаивает меня, – в голосе появляются печальные, волнующие меня нотки...

– Не знаю почему, но каждый раз, как выхожу на улицу, какая-то неведомая сила влечет меня туда, к вашему дому, и я невольно поворачиваю голову и жду, что хоть на мгновение мелькнёт в окне знакомое лицо...

– Не говорите так....

– Я, впрочем, понимаю, как надоел вам рой поклонников с бездарными, много раз повторенными комплиментами.

– О ком вы?.. О ком вы говорите? Всё не так.

– Но почему же вы одна?

Она ответила как-то напряженно и словно бы отводя глаза от телефонного аппарата в сторону. Да и ответ был немного не попад:

– Моего мужа сейчас нет. Он вернулся с фронта и опять уехал. И матери его тоже нет.

– Так значит, мы можем быть вместе, как тогда?

– Михаил! Вы осознаете опасность, которой меня подвер-

гаете? На что вы рассчитывали, когда позвонили мне?

– Я вас люблю, я звоню только для того, чтобы это вам сказать! Я люблю вас, Кира! Все эти долгие месяцы я мечтал о вас.

– Ради бога, Миша, что вы делаете! Не говорите так, вас могут услышать.

– Я не могу говорить иначе...

– Оставьте меня. Я больше ничего не желаю знать!

– Не вещайте трубку, умоляю!

– Замолчите, ради всего святого... У меня темно в глазах, что со мною будет!

– Успокойтесь, ничего с вами не случится. А вот меня скоро положат на телегу и вывезут прямо на погост. Долго ли от больных подцепить заразу? И в этом будете виновны вы.

– Миша! Заклинаю вас всем, что у вас есть дорогого, оставьте меня.

– У меня нет ничего дороже вас на этом свете, Кира.

– Я вешаю трубку!

– Нет! Вы причина того, что я готов даже на безумство.

Скажите мне только одно слово – и мы бежим.

– И это вы говорите замужней даме? Вы и преступны, и безумны!

– Кира! Я бросил всё, пациентов, близких мне людей, ненавистную больницу. Я приехал сюда с одной лишь целью – быть ближе к вам. Да, я готов на преступление. Бежим!

– У меня дети.

– Забудьте.

– Ни за что!

– Я приду к вам этой ночью.

– Не смейте! Неужели вам нужна моя гибель? Зачем только вы появились здесь? Вы хотите заставить меня лгать и вечно трепетать... Боже мой, замолчите, Миша!

– Если вы не позволите мне прийти к вам, я устрою под вашими окнами скандал. Сегодня же! Ах, Кира, дайте же мне шанс!..

Она испугана. Мне кажется, что у меня наконец-то случилось. И потому говорю уже более спокойным голосом:

– Кира, нам необходимо поговорить.

– Ну так и быть... Приходите в полночь, когда все уснут.

Можно представить, что было после того, как я закончил разговор. Я так кричал, что все наверно слышали. Однако вот представить можно, но ничего ужасного на самом деле не случилось. Тася закрылась в дальней комнате, не открывает дверь. Дядьёв дома нет. Мне только их увещаний не хватало!

Но что это было? Неужели Кира назначила свидание? Неужели победил? Я плюхаюсь на диван, закидываю руки за голову... Я весь в мечтах... Я снова с моей Кирой! Скорей, скорей бы! Заснуть бы и не просыпаться до полуночи...

И вот сидим в гостиной у неё дома. На столе чашки с нежными цветочками снаружи и золотые внутри. Скатерть белая и накрахмаленная. Узорчатый паркет сияет, отражая свет за-

жжённых свечей. Мы пьём чай с домашними пирожками, надо заметить, очень вкусными. Что ж, самая подходящая обстановка для задушевной, лирической беседы. Только вот как можно о чём-то говорить, когда все мысли о другом?..

От рук, от губ её пахнет дивными духами, слегка напудрено лицо. Изящные пальцы держат чашку как диковинный цветок. Глаза прикрыты ресницами, как кружевами. Вот о чём-то задумалась...

– Ах, Миша! Я так несчастна. Мой постылый супруг... Я вышла замуж только потому, что могла сойти с ума от одиночества. Если бы не дети...

– Не огорчайте меня такими грустными словами. Вы удивительно красивы. Вы добрая, чудесная... Вы одна на свете. Других таких прекрасных нет.

– Вы искренни? Да! Да! Разве можете вы лгать? Я благодарна вам за эти слова, только вы нашли их для меня... Так хочется верить, что вы желаете добра. Но одно всегда страшит, стоит взглянуть на вас...

– Что же это?

– Ваши глаза. О, как они опасны!

– Верьте мне, Кира, я говорю с чистой душой, с открытым сердцем.

– Достойна ли я такой любви?.. Ах, я пропала...

Я вижу откинутую назад голову и шелковистую волну волос, пронизанную огнем свечи. И брови угольные. И огромные карие глаза. Мне не понять – красив ли её профиль, этот

нос с горбинкой. Так и не разобрал, что у неё в глазах. Вот кажется, испуг, тревога... А, может быть, порок?..

По-детски бантиком сложила губы и смотрит в тёмное окно, словно бы чего-то ожидает. Когда она вот так сидит, она представляется мне чудесной, лучше всех на свете.

– Иди ко мне, – сказал я. Она повернулась, глаза её испуганно насторожились. Я обнял её и поцеловал.

– Нет! Так нельзя, – пытается оттолкнуть меня.

Я снова привлёк её к себе. На этот раз она не сопротивлялась. Я потянул её за собою на диван. И так притягивал до тех пор, пока она совсем не склонилась. И только тут я ощутил живую и ясную теплоту желанного, волнующего меня тела.

– Лежите и не шевелитесь, – прошептала она.

Она легла рядом со мной, и я почувствовал прикосновение её коленей...

– Ты чудо как хороша!

– Знаешь, какая в юности я была худышка?

– Знаю. Изящная, грациозная...

– Говорят, с тех пор немного пополнела.

– Это бывает после родов. Но у тебя это заметно лишь чуть-чуть. Тебе даже идёт. Во всяком случае, мне нравится.

– Как жаль, что мы тогда не встретились!

– Ну как ты это представляешь? Дочь камергера и бедный, застенчивый студент...

Тут я немножечко слукавил. Так можно. Почему бы нет?

– А я вообразила себе... Да-да! Ужасно наивно этого желать.

– Но вот теперь я дипломированный врач. Скоро займусь непременно частной практикой. У меня будет много пациентов, появятся деньги. И всё можно было бы ещё поправить!

– Что? Как? У меня муж и двое дочерей. Ты тоже, видимо, женат.

– Нет, Кира! Нет! Я верен только тебе!

– Ах, милый! Я без ума от тебя, даже когда ты говоришь неправду!

– Но почему ты мне не веришь?

– Иди ко мне!

Объятия... Объятиям нет числа. Я сбился со счёта. Да и кому какое дело... словно бы стараемся наверстать то, что прежде не сбылось... Или насытиться любовью впрок? Однако странные у меня возникают мысли... Пророчество? Ах, не дай бог!

– Ты знаешь, муж недавно мне прислал письмо из Гельсингфорса, будто бы купил участок на золотоносной речке?

– Где? – Я чувствую, как у меня загораются глаза.

– Там где-то, на севере, в Финляндии.

– А ты говорила, он на войне.

– Он в Петербург по делам поехал и вдруг встречает старого приятеля. А тот знает место, но у него нет денег, чтобы приобрести право на добычу... ну, всё как следует устроить.

– И много золота на этой речке?

– Говорит, что жуть!

– Ах, интересно было бы... – тут я мечтательно закатываю глаза...

Увы, кому везёт в любви, тому обычно не везёт в делах. Мне предстоит ещё не раз в этом убедиться. Но как удержать любимую, не имея приличного достатка? Рай с милым в шалаше?

Мы снова обнимаемся...

– С тех пор, как муж уехал, здесь невыносимая скука. Недавно сосед является ко мне с цветами и с такой красочно оформленной коробкой. Я от незнакомых людей подарков не принимаю, но тут... Сосед всё-таки. Зачем портить отношения?

– А что в коробке?

– Набор дамского белья, – смеётся.

– Я его убью!

– От дома я ему отказала. Ну и подарок, конечно же, пришлось вернуть.

– Да кто он такой?

– Известный фабрикант, из нуворишей. Рубашечки, бюстгальтеры, пеньюары, панталоны...

Ну вот опять! Словно бы нарочно намекает, что не судьба. Зачем ей бедный врач, если отвергает даже фабриканта?

Объятаям нашим нет конца... Но вот гляжу я на неё... Заплакала.

– Кира! Что с тобой?

– Ну вот, весь вечер думала и думала. Надо же на что-нибудь решиться.

– Не плачь, не плачь, любимая! Мы снова вместе...

– Ну почему ты не писал? Я думала, что ты меня забыл, я так тосковала! Ах, если бы ты знал! – сквозь слёзы улыбается. – Теперь для меня всё ясно... Я дождалась. Теперь ты никуда, Миша, не уедешь! Мы уедем вместе!

– Уедем! Уедем, Кира...

– Я так измучилась, я уже два месяца почти не сплю. Как только ты пропал, я опомнилась и не могла простить себе, что отпустила! Все ночи сижу, смотрю в окно... и мне мерещится, что ты лежишь раненый где-то там, на поле битвы и некому тебе помочь...

А я не могу понять, о ком это она? Неужели обо мне? Видимо, о новом назначении забыла. Или переживания о воюющем супруге неведомым мне образом стали заботой о здоровье сельского врача?

Плачет...

– Не надо, Кирочка, не надо!

– Что это было, Миша? Все эти месяцы? Сны? Объясни мне. Зачем же мы расстались?.. Я так хочу опять туда, вновь пережить наше первое свидание! А всё остальное забыть, как будто ничего другого не происходило никогда!

– Ничего, ничего не было, всё только померещилось, кроме той первой нашей встречи! Забудь, забудь всё остальное! Пройдет время, мы поедem к тебе домой, в имение под Кара-

чевом, и будем собирать майские цветы, и твои волосы будут пахнуть ландышем. . .

Отпуск закончился, и мы всё-таки расстались.

IV

Сидя в дощатой будке на заднем дворе, поодаль от больницы, читаю письмо. Почтальон из рук в руки передал, а мне не хотелось, чтобы Тася знала. Опять эти свои вечные причитания начнёт...

Вот же бывают такие письма. Только в руки конверт возьмёшь, а уже знаешь, что там. И как оно дошло? Никакие письма не доходят, даже из Москвы, говорят, приходится посылать с оказией. И как всё у нас глупо, дико в этой стране! Почему, спрашивается, письма пропадают? А это дошло. Не беспокойтесь, уж такое письмецо дойдет, непременно отыщет адресата... Только открывать это письмо не хочется. Потому что от него холодом и несчастьем веет.

«Милый Михаил! Мне очень трудно было найти в себе силы, чтобы написать это письмо. Но вот, наконец, решилась. Сразу скажу, что я благодарна тебе за всё. Не стану доверять свои чувства бумаге, но поверь, что в сердце моём ты навсегда занял самое важное место. Иначе было бы в нём пусто и тоскливо.

Муж вернулся из Петербурга злой, я его никогда таким не видела. Думаю, причина не в том, что случилось в феврале, не в положении на фронте, а только в том, что сорвалась выгодная сделка, на которую он рассчитывал. Я ведь тебе рассказывала о его поездке в Гельсингфорс. Теперь надежды

разбогатеть у него нет, деньги из имения поступают очень редко, там бунтуют крестьяне. В общем, с деньгами стало плохо, но не это главное.

Я вдруг поняла, что больше так не могу. Вот дети, вот муж, дом – это всё рядом, здесь. Без этого я своей жизни уже не представляю. И где-то там далеко прекрасные воспоминания о том, что с нами было. Как мне не хочется, чтобы эта память была осквернена семейной ссорой, ненавистью обманутого мужа. Ещё не дай бог вызовет тебя на дуэль или застрелит в тёмном переулке, когда ты снова попадёшь в Москву. Поверь, я этого не перенесу! Поэтому прошу тебя: прости и помни. Я наше прошлое не забуду никогда!

Кира, навсегда твоя.

P.S. Письмо, пожалуйста, сожги».

– Фельдшер знает, – ещё чуть-чуть и Тася снова пустит слезу.

– Неужели? Мне всё равно.

– Скоро все будут знать, что ты себя травишь морфием.

– Это пустяки...

– Если не уедем отсюда в город, я удавлюсь.

– Делай, что хочешь. Только оставь меня в покое.

– Ты изверг! Зачем я полюбила тебя? Ах, боже мой, какая же я дура!

– Ой, ну сколько же можно об одном?! – у меня уже нет сил сдерживать себя.

Странно, но я только сейчас заметил, что Тася некрасива. Чем-то она напоминает мне бродячую собачонку, с которой позабавились, а потом прогнали за порог... И с какой стати я на ней женился? Ведь мог бы и подождать ещё чуть-чуть, мог бы тогда встретить барышню, хотя бы чем-то похожую на Киру...

Я снова в забытьи. То ли это сон, то ли опять странное наваждение, вызванное морфием. Только моей милой Киры в этом наваждении больше нет. Есть тёмные тени, по сумрачным улицам идущие в неизвестность, в никуда. И я словно бы скованный с ними одной цепью, бреду, бреду за ними следом. Господи! Да сделай же ты что-нибудь!

Но вот я слышу голоса, вроде бы стою, затаив дыхание, у закрытой двери и стараюсь понять, что происходит там, в соседней комнате.

– Я не могу тебя понять. Неужели ты не видишь, что все эти неприятности в делах из-за того, что я несчастлив с тобой? А ты с таким удивительным равнодушием относишься к тому, что может быть причиной нашей общей беды.

– Почему никто и никогда не спросил, счастлива ли я? От меня умеют только требовать. Но кто-нибудь пожалел меня? Что вам всем нужно? Я родила тебе детей, и все последние годы слышу только про театр, да про коммерцию... Деньги, деньги, деньги! Где их достать, как, наконец, разбогатеть. И заимев солидный счёт в банке, уехать за границу. Париж – мечта всей твоей жизни. «Комеди Франсез», Пляс Пигаль,

посиделки у «Максима»... А я так... необходимый прида-ток, чтобы не ударить в грязь лицом перед почтенной пуб-ликой. Счастлив князь Юсупов, и Голицын тоже счастлив, и ты будешь счастлив... но только не со мной.

– Я вижу, что ты не любишь меня.

– Ничего другого тебе дать не могу.

– Увы, я знаю твои мысли, и мне больно за семью.

– Ну и знай... Знай, что и сегодня мы должны были уви-деться, но он не пришел. И мне тоскливо.

– Одумайся, Кира! Я всё прощу, только не надо с ним встречаться. Так не должно быть!

– А я хочу! И ничего не могу с собой поделаться.

– Я понимаю. Меня так долго не было. Ты оказалась в большом, незнакомом городе совсем одна. Рядом ни друзей, ни подруг... Но почему ты не общаешься с княгиней, с моей матерью?

– Для неё я не слишком родовита. Я выскочка, парвеню, ворона в эдаких павлиньих перьях!

– Ты не права, Кира! Господь с тобой! Мама желает нам добра. Уверен, у неё и в мыслях нет желания как-нибудь оскорбить тебя, унижить.

– Ты бы видел её глаза, когда она смотрит на меня...

– Помилуй, Кира! Выдумки! Выдумки всё это! – и после паузы вопрос: – Так что же делать?

Долгое молчание. И вот, наконец, я слышу до боли мне знакомый женский голос:

– Давай уедем! Уедем навсегда. Здесь ничего уже не будет.
И снова пауза.

– Возможно, ты права... А что, если всё вернётся на круги своя? Не знаю, как ты... я ещё надеюсь.

– Ты слеп, Юрий! Слеп, как и всегда. Ты и меня не смог понять. Не понял и того, что в России происходит. Открой глаза! Прежнего уже не будет никогда!

– Но как же... Нет, я так сразу не могу... Мне нужно по-советоваться...

– С кем? Завтра всех твоих знакомых по лицу поставят к стенке или же повесят на столбах. Чего ты ждёшь? Чтобы твои холопы снова пришли поклониться князю-батюшке, мол, мы никак не можем без тебя?

Тишина. Оба молчат. А может быть целуются? Тьфу, чёрт! Опять я о своём. А тут, может быть, решается судьба.

– Что ж, пойду договариваться о паспортах.

Князь уходит, а я остаюсь в отчаянии, в тоске по загубленной любви... Так что же делать? Да только уповать на чью-то милость.

Господи! Прости и помилуй своего раба за всё, что я тут натворил. Зачем ты так жесток? Клянусь тебе всем дорогим на свете – я достаточно наказан. Знай, что я верю в тебя! Верю всегда, даже если на время об этом забываю. Верю душой, телом, каждой клеточкой мозга. Верю и прибегаю к тебе, потому что нигде на свете нет никого, кто бы мог мне помочь. Прости меня и сделай так, чтобы Кира вновь ко мне

вернулась. И чтобы я избавился от пристрастия к наркотикам. Я верю, что ты услышишь мои мольбы и вылечишь. Избавь меня, Господи, от той гнусности, в которую я сам себя низверг. Не дай мне сгинуть, избавь меня от морфия, от кокаина, избавь от слабости духа и дай надежду, что всё ещё можно изменить. Поверь, Господи, я исправлюсь!

И вот уже сумрак в комнате рассеялся, и кажется, что на душе немного полегчало...

Да, как же! Полегчает тут. А вы попробуйте жить, когда думаешь только об одном – о том, с кем и что она делает там, в своей квартире. Я тихо позвал:

– Кира!

Однако никто не входит в дверь. Никто не сядет на постель и не погладит меня ласково и нежно. Но почему?

Ну как тут не понять – они, небось, уже собирают свой багаж, а я по-прежнему валяюсь на кровати. Скорей, скорей в Москву!

V

Как ехал в поезде, что говорил, что делал, не в состоянии в точности припомнить. Всё было словно бы во сне. Нет, не во сне, а в горячечном бреде, когда перед глазами возникают сцены, одна другой ужаснее и отвратительней.

Вот вижу сплетение тел на кровати в спальне... Сдавленные крики, стоны... Князь удовлетворённо улыбается, закуривает папиросу, а Кира гладит его по животу... Смеётся...

– Ты знаешь, он такой забавный...

– Кто?

– Да тот офицерик, врач, с которым ты пересылал письмо.

– Знал бы, что он такой «ходок», пристрелил бы ещё там, в госпитале.

– Ну до чего ты у меня ревнивый! – снова рассмеялась.

– Как ты могла? С любовником на этом самом диване, на котором я читал тебе стихи.

– Какие ещё стихи? Я что-то не припомню.

– Да-с, на этом вот диване...

Сказано это почти трагическим тоном, и вдруг:

– Ну и каков же он в постели?

– Юрий, Господь с тобой! Я не могу тебе рассказывать буквально обо всём.

– Нет, расскажи! – настаивает.

– Да, в сущности, и говорить-то не о чем. Ну нежный, лас-

ковый... Но, видимо, после перенесённой болезни... как бы тебе это объяснить...

– Я понял! – князь поперхнулся дымом и вот оглушительно хохочет...

От этого злобного хохота я снова просыпаюсь. На соседней лавке храпит пьяный штабс-капитан, командир батареи из конной артиллерии. Станный тип. И очень уж назойливый. Припоминаю, что говорил мне накануне... Ну да, все уши прожужжал.

– Открыть фронт немцам! И сейчас же! Только тогда мы будем избавлены от этой жидовской оперетки с трагическим концом, когда от воплей кастрированных теноров и оваций возбуждённой публики может рухнуть здание российской государственности...

О чём это он? Какое здание? Какие тенора? Да можно ли так напиваться?

– Что нужно немцам – сахар, сало, хлеб? Да подавитесь, только помогите. Мы все теперь на собственном опыте узнали, что значит демократия со всеми этими гороховыми шутами вроде Керенского.

Опять не понял про шутов... ещё про демократию и про «душку» Керенского... Ах, Кира! Как же ты могла?..

– Спасти Россию может исключительно монархия. Пусть кайзер наведёт у нас порядок, а дальше уж мы сами как-нибудь...

В мозгах по-прежнему сумбур, но постепенно что-то про-

ясняется. Я пытаюсь возразить:

– Боюсь, что за безумство мартовских дней нам предстоит очень тяжёлая расплата.

– А для начала всех этих... с красными бантами... на фанари!

– Я, знаете ли, не настолько кровожаден...

Ощерился. Кровью налилось лицо, рука отчего-то тянется к нагану.

– Да вы социалист, доктор, как я погляжу! – рот брызжет слюной, меня обволакивает вонючим перегаром. – Знаю я вас, университетских, все одним миром мазаны, мать вашу так!

Вот не хватало ещё в лоб пулю получить от пьяного защитника.

– Нет уж, позвольте, штабс-капитан!

– А не позволю!

– Но я же вовсе не социалист.

– Не ври! По роже сразу видно!

– Я даже слова этого поганого не выношу.

– Так я и поверил!

– Я, как и вы, радею за монархию! – я встал, для храбрости перекрестился и запел: – Боже, царя храни!..

Дальше в сознании провал. Могу предположить: штабс-капитан пытался задушить меня в объятиях... Ясно лишь, что едва закончится одно кошмарное видение, взамен его непременно начинается другое... И так без конца, без смыс-

ла, без надежды...

Только теперь, припомнив подробности ночного спора, я осознал весь ужас происшедшего. Кира мне изменила, родину я уже почти что потерял, осталась судорожно бьющаяся жилка у виска. Стоит нажать на спусковой крючок, и вся эта не нужная мне жизнь вытечет за несколько мгновений...

Из коридора просачивается табачный смрад. Доносятся возбуждённые голоса – тоже всё о чём-то спорят. Мало им того, что было в марте! Бездари! Пропили Россию, продули, проиграли...

Вот и я тоже всё, что только можно, проиграл. И нет мне теперь ни пощады, ни прощения... Я снова проваливаюсь в полузабытьё.

Только в этой качающейся полутьме она и согласна появиться – порочная, эгоистичная женщина с невиданным, изощрённым талантом обольщения. Княгиня! Её нога в чёрном шёлковом чулке... Халат словно бы случайно распахнулся, и стало видно кружево белья... Я слышу её призывный шёпот, еле различимый среди стука колёс и воя ветра за окном...

И этому нежному шёпоту ответил храп пьяного в стельку офицера...

Когда очнулся, поезд уже стоял у перрона Брянского вокзала. За окном серый полумрак, а в голове одна единственная мысль: неужто всё на самом деле кончено? Однако так не может быть, так не бывает, чтобы не оставалось никакой

надежды. Даже у приговорённого к смерти есть последнее желание...

Только добрался до Обухова, отпустил извозчика и сразу к телефону.

– Барышня! Тридцать два ноль семь... Умоляю, поскорее... Ах, Кира! Кира, это я... Я только что с вокзала.

В трубке молчание. Потом слышу голос, но совсем чужой.

– Миша, я вас прошу, вы больше не звоните.

– Но почему?

– Мы скоро уедем за границу.

– А как же я?

– Я благодарна вам за всё. За то, что помогли мне в трудную минуту. Оказались рядом, когда я умирала от тоски и одиночества... Но ничего уже не будет. Никогда!

– Но так нельзя!

– Господи, Миша! Мне тоже тяжело. Но здесь оставаться невозможно. Вы только посмотрите, что тут делается!.. Бежать, бежать непременно из Москвы!

– Нет!!!

– Миша, смирись!.. Всё прошло! Забудьте. И я забыла, и вы не вспоминайте.

– Я застрелюсь! И ты будешь в этом виновата.

– Не мучайте меня! Подумайте, что будет, если я останусь.

Что будет со мною и с детьми?

– Я буду вас защищать!

– Ради бога! Если вы любите меня, то отпустите!

– Кира! Сжальтесь!

– Если что-нибудь случится с дочерьми, я тебя возненавижу!

– Ты ведьма! Ведьма! Сначала завлекла, а вот теперь...

– Ты болен, Миша. Успокойся! Я верю, что у вас с Татьяной всё будет хорошо. Прощай!

Княгиня вешает трубку. А я ошарашен тем, что она знает про жену. Предали!.. Зарезали!.. Убили!!!..

Я стал умирать днем двадцать второго декабря. День этот был мутноват, бел и насквозь пронизан отблеском грядущего через два дня рождества. Впрочем, до рождества ли тогда было?

Я видел, как серые толпы с гиканьем и гнусной бранью бьют стекла в трамваях. Видел разрушенные и обгоревшие дома. Видел людей, которые осаждали подъезды запертых банков, длинные очереди у хлебных лавок, затравленных и жалких офицеров в шинелях без погон...

Всё это я воочию видел и попытался понять, что произошло. Но если голова моя была цела, то сердце было растерзано там, у подъезда дома на Обуховом. Возможно ли всё происходящее понять, имея в груди своей израненное сердце?

Ах, право же, какие глупости! Рана неопасна... Пациент будет жить. Но надобно дать ещё немного морфию, чтобы прекратить страдания...

По счастью, не так уж трудно раздобыть наркотики в Москве. Конечно, если очень, очень надо. Тем более врачу...

Ну вот... Наконец-то... Полегчало...

Как очутился у Патриаршего пруда, не помню... то есть не пойму... Вроде бы шёл от аптеки Рубановского, что на углу Большой Садовой. Только собрался сесть на скамейку в сквере чуть передохнуть, но вот... Но вдруг увидел там, вдали, на Малой Бронной очень знакомый силуэт. Нет, это был не коллега по фронтовому госпиталю, не дядин сосед из дома на Пречистенке и даже не случайный попутчик, с которым я ночь провёл в одном вагоне. Самое удивительное, что это была женщина, при том очевидно, что брюнетка. Но кто – я не в силах был понять. Ясно было одно – надо непременно разъяснить себе, кто же такая эта женщина.

Эй, торопись! Тут главное не мешкать. Да мне ли этого не знать! В мгновение ока я пересёк сквер и двинулся за ней по Бронной. Однако странно, я и шагу прибавлял, и попытался бежать, расталкивая по пути прохожих, но ни на сантиметр не приближался к этой женщине. Меня поражала та сверхъестественная, немыслимая скорость, с которой она уходила от меня. Впрочем, я от неё не отставал. И нескольких секунд не прошло, как после Никитских ворот я был на Арбатской площади. Еще мгновения, и вот уже какой-то тёмный переулок, чуть покосившийся фонарь и нефтяная лавка на углу. Опять шумная, заполненная народом улица – кажется, это Пречистенка. Тут я её чуть не потерял. Потом снова переулок, унылый, гадкий, ведущий в неведомую тьму. И вот здесь-то женщина окончательно исчезла.

Растерянно гляжу по сторонам, надеясь на помощь дворников, филёров и прохожих. Странно, но никому нет никакого дела до меня... И тут вдруг я сообразил, что женщина должна непременно оказаться вот в этом доме и обязательно на пятом этаже. Надо только подняться по лестнице, а там сразу повернуть направо. Да ясно же, как дважды-два! Вбежал в подъезд, взлетел на пятый этаж, нашел нужную квартиру. Звоню... Внутри отозвалось... Но вот ведь, стою, стою, а никто не открывает. Стал колотить в дверь кулаками... Сколько можно ждать!

Ну, наконец-то: дверь отворила горничная и, ни о чём не спрашивая, ушла.

В громадной передней никого. Пусто, как в дождливый день на паперти. Из глубины квартиры слышались детские голоса. И мягкий, успокаивающий голос няни. Эх, мне бы так вот кто-нибудь сказал...

Я рассуждал примерно следующим образом: «Где она может быть? Да где ж ещё, если скрыться можно только в спальне?» В передней пусто и в тёмном коридоре никого. То есть просто некому указать кратчайшую дорогу. Что делать-то?

По счастью, долго плутать мне не пришлось. Предмет своих поисков я обнаружил почти сразу же. И вот я в спальне. Там, под балдахином, на роскошной, сияющей снежной белизной постели лежала она, почти раздетая, в полупрозрачном пеньюаре. Уже ль та самая брюнетка, за которой я погнался? Мне показалось, что она кого-то ждёт. Не знаю, мо-

жет быть, меня... Поколебавшись немного, я подошел к ней, поклонился и собирался что-нибудь сказать...

Брюнетка вдруг перебила меня и проговорила низким голосом:

– Мишель, вы ужасны... Из-за вас я не спала всю ночь и вот решила. Будь по-вашему. Я вам отдамся.

Я посмотрел на смуглое лицо, от которого на меня пахнуло то ли ладаном, то ли ароматом папиросы, взглянул в её огромные глаза, но так ничего и не сказал. Я всё никак не мог понять, та ли это женщина или же совсем другая. Вот иной раз пытаешься найти свой идеал, заранее представив его дивные черты в своём воображении, и вдруг обнаруживаешь что-то вроде бы похожее, но только совсем, совсем иное... Так та или не та?

Видя сомнение в моих глазах, брюнетка решила взять инициативу на себя. Закинула голову, страдальчески оскалив зубы, схватила мои руки, притянула их к себе и зашептала:

– Что же ты молчишь, мой соблазнитель? Ты покорила меня своею храбростью. Целуй же, целуй меня скорее, пока муж со службы не пришёл.

Я пошатнулся, ощутив на губах что-то сладкое и мягкое, и её глаза оказались у самого моего лица.

– Я отдамся тебе... – шептала она, пытаясь стащить с меня пиджак.

Тут что-то стукнуло меня, словно бы я ударился головой

о притолоку, споткнувшись о порог... Один глаз женщины, то есть тот, что был зелёный, смотрел мне прямо в лоб, но вот другой... ну просто невпопад, был совершенно карий и что-то высматривал за моей спиной. Да неужели... Господи, подмена! И я прокричал:

– Мадам! Тётушка! Но это невозможно! Я болен. Я безнадёжный наркоман!

– Я тебя вылечу, вылечу, – бормотала Маргарита Карловна, впиваясь мне ногтями в плечи. Она оскалилась от ярости, что-то ещё произнесла невнятно. А потом...

Потом всё кончилось...

Но вот очнулся. Лёжа на белой простыне, пытаюсь вспомнить, кто я и откуда. Ещё важнее разобраться – где? Нет, это не спальня, не постель... Мне кажется, что это смотровая. Да, да, смотровая моего дяди, гинеколога. Белая, ослепительно белая, большая комната. Белее бывает только свежесвыпавший снег в сельской глуши где-нибудь под Вязьмой или под Смоленском. Но это точно Москва!

Как я попал сюда? Да откуда же мне знать? Помню только, что не повезло с какой-то женщиной... Что там было? Погоня? Или подлая измена? Или просто жестокая расплата за какие-то грехи... Ясно лишь то, что дальше продолжаться так не может... Хотя бы потому, что мне этого не перенести.

Я достал из кармана револьвер, приложил дуло к виску, неверным пальцем нашарил спусковой крючок...

Тут снизу слышались очень знакомые мне звуки, сипло

заиграл оркестр, и тенор в граммофоне запел:

– О, час! Мой смертный час! Когда сразишь меня ты?

Да это «Фауст»! Вот уж действительно, «свезло». Дождусь только арии Мефистофеля. В последний раз. Больше никогда уж не услышу.

Оркестр то пропадал, то появлялся, но тенор продолжал кричать:

– Если медлишь ты, я сам пойду к тебе навстречу!

Сейчас, сейчас... Однако как быстро он поёт!

Дрожащий палец лёг на спусковой крючок... и в это мгновение грохот оглушил меня, сердце куда-то провалилось, мне показалось, что на мгновение погас свет. Я уронил револьвер.

Тут грохот повторился. Из прихожей донесся басовитый голос:

– Вот и я!

Я повернулся к двери. Неужто сам Мефистофель пожаловал, собственной персоной?

В комнату вошёл солидный господин. Соболья шапка, шуба, подбитая мехом, чуть ли не до пят, трость с набалдашником, на носу золочёное пенсне. В общем, так примерно я себе его и представлял.

– Доктор Кутанин, к вашим услугам, – сказал вошедший и поглядел на меня очень дружелюбно: – Ваш дядюшка... мне передали его просьбу, и вот я здесь. Чем могу помочь?

А ну как действительно поможет? Вот снял шубу, уселся

со мною рядом и чего-то ждёт.

– Дело вот в чем, коллега, – начал я, внезапно почувствовав, что надо бы ему рассказать всё, буквально всё, как на духу, – дело в том, что меня в наркоманы записали, а ведь это же совсем не так... Жена твердит, чтобы я лечился. И самое главное, никто не желает меня слушать!..

– Не волнуйтесь, я выслушаю вас очень внимательно, – серьезно и успокоительно сказал Кутанин, – и в наркоманы вас рядить ни в коем случае не позволю.

– Так слушайте же: вчера вечером на Патриарших я встретил некую таинственную личность. Вроде женщина, но странная какая-то. Например, за ней погонишься, а догнать нет никакой возможности... Гнался я за ней по арбатским переулкам, по Пречистенке. Но только показалось, что догнал, как она юрк в какой-то дом...

Свой рассказ я сопровождал энергичными жестами, тем самым пытаюсь передать врачу своё состояние в пылу погони. Надеюсь, что хоть таким образом он меня поймёт. Ну а что ещё мне оставалось?

– И вот теперь вы добиваетесь, чтобы я помог вам эту даму разыскать? Правильно ли я вас понял? – спросил Кутанин, внимательно глядя на меня.

«Он умен, – подумал я. – Впрочем, среди врачей умные граждане совсем не редкость, это всем известно. А этот наверняка доцент... Да что доцент, наверняка уже профессор!», – и ответил так:

– Я сам её найду. Вы только дайте мне справку, что я не морфинист. Умоляю! А то ведь как можно подойти к приличной даме с таким, как у меня, диагнозом? – для убедительности сначала я решил пустить слезу, а потом, передумав, закричал: – Нет, даже не прошу, а требую, чтобы меня прямо тут, теперь признали окончательно здоровым!

– Ну что же, славно, славно! – спокойно отозвался Кутанин, – вот всё и разъяснилось. Действительно, какой же смысл здорового человека называть больным? Хорошо-с. Я вам сейчас же выпишу такую справку, если вы мне скажете... нет, не докажете, а только скажете, что вы здоровы. Итак, коллега, станете ли вы утверждать, что совершенно здоровы?

Предложение профессора мне понравилось, однако прежде чем ответить, я ещё подумал, перебирал кое-какие соображения в уме, наморщив лоб, и, наконец, сказал очень твёрдо и уверенно:

– Я здоров!

– Ну вот и славно, – проговорил с явным облегчением Кутанин. – А если так, то давайте рассуждать логически. Возьмем этот вчерашний случай у Патриаршего пруда. В поисках неизвестной женщины вы произвели такие действия, – тут Кутанин стал загибать длинные пальцы, внимательно глядя на меня, – бегали по улицам, расталкивая прохожих. Было?

– Было, – хмуро согласился я.

– Кричали, чтобы она остановилась. Так? Затем ворвались в дом за нею следом, а потом в квартиру. Так ли это было?

Я не возражал.

– А теперь скажите, – продолжал Кутанин, – возможно ли, действуя таким манером, добиться свидания с приличной дамой, не напугав бедняжку до смерти? И если вы человек вполне здоровый, к тому же врач, вы мне ответите сами, да никоим образом!

Тут что-то странное случилось со мной. Моя воля как будто раскололась, и я почувствовал, что слаб, что нуждаюсь в дружеском совете.

– Так что же делать? – спросил я на этот раз уже робко, нерешительно.

– Ну вот и славно! – снова повторил Кутанин, – это резоннейший вопрос. Теперь я расскажу вам, что, собственно, произошло, – он задумался на мгновение и продолжал: – Какое-то время назад вы познакомились с женщиной. Вы полюбили её, были с ней близки, но по некой не зависящей от вас причине вы расстались. Так ли это было?

– Так, профессор, – прошептал я, замирая от нехорошего предчувствия. «Откуда он всё знает?»

– И вот с тех пор образ этой женщины преследует вас. Вам и мучительно вспоминать о ней, и сладостно. В итоге тяжесть утраты любимого человека стала для вас невыносима, и вы не нашли другого способа, кроме как прибегнуть к помощи наркотиков. Я прав или не прав?

Молчу, затаив дыхание, и только жду, что ещё он скажет.

– Так вот что я бы вам посоветовал, коллега. Всё то, что

с вами произошло, изложите на бумаге. Все ваши переживания, всю боль, как бы ни трудно было это сделать. Причём пишите так, будто всё это случилось не с вами, а с другим. Нет иного способа избавиться от наваждения, как переложить его на кого-нибудь другого. В данном случае, на плечи выдуманного вами человека. Пусть он теперь и мучается! И помните, это вам поможет, а без этого у вас не выйдет ничего. Вы меня слышите? – вдруг многозначительно спросил Кутанин и завладел обеими моими руками. Взяв их в свои, он долго, в упор глядя мне в глаза, повторял: – Это вам поможет... Вы слышите меня?.. Это вам поможет... Вы получите облегчение...

– Профессор, но смогу ли я?

– Сможете, если жить хотите, – он отпустил мои руки, но так же пристально смотрел в глаза. – Однако вот о чём хочу предупредить. Тут либо то, либо другое. Писателю наркотики противопоказаны.

– Но как избавиться от эффекта привыкания? – я чувствовал, что наконец-то рассуждаю здраво. Во всяком случае, так мне показалось.

– Всё очень просто, – пояснил Кутанин, – хотя простота эта весьма обманчива, поскольку трудно сделать первое усилие. Так вот, стоит вам начать писать, как в самом скором времени почувствуете, что боль куда-то отступает. Чем больше пишете, тем легче становится на душе. Но лишь одно условие: не напрягайте головы, пишите больше от сердца, от

своих переживаний... А там, чем чёрт не шутит, станете известным писателем, прославитесь. И вот в один прекрасный день та женщина прочитает ваш роман... и тут она поймёт, кого когда-то потеряла.

– Профессор! Если получится всё так, я вам по гроб жизни буду благодарен!

– Ладно, ладно! Ещё успеете отблагодарить. – Кутанин еле заметно улыбнулся. – Случится быть в Москве, так непременно заходите. Поужинаем вместе, ходим в оперу...

Ночью, едуци в расхлябанном вагоне обратно к месту службы, под Смоленск, при свете свечечки, вставленной в бутылку из-под керосина, я написал первый маленький рассказ. Потом ещё и ещё. И вот однажды решился и отнёс очередной вышедший из-под моего пера рассказик в редакцию газеты. Там его почему-то напечатали. Потом напечатали несколько фельетонов. Вскоре, это было уже в Киеве, я бросил занятие врача и стал писать.

И вот, наконец, понял, что пришло моё время. Время покорять Москву...

VI

Надо сказать, что политики я прежде сторонился. Не потому, что считал её чем-то слишком уж заумным для себя. Нет, если бы понадобилось, так непременно б разобрался. Только ведь мне оно совершенно ни к чему. Приобрести политический капитал, влияние на умы сограждан – такой задачи я никогда перед собой не ставил. Другие пусть этим занимаются, если нет таланта. В общем, я старался от политики увёртываться. Однако то и дело она настигала меня, брала в свой оборот, иногда ставила в положение безвыходное... По счастью, обошлось. Что-то подсказывает мне – я и теперь как-нибудь от политики избавлюсь. Если бы так!

Где-то в четыре пополудни скорый поезд Киев-Москва вкатился под купол Брянского вокзала. И вот Москва – город надежд, немислимых свершений. Город, в котором сбываются мечты. Город, в котором я был когда-то счастлив. И в то же время это город моей трагической, загубленной любви. Стоит ли возвращаться сюда, рискуя заново всё пережить? Стоит ли заново копаться в прошлом, бродить по знакомым переулкам, вглядываясь в лица окружающих людей? А вдруг мелькнёт то самое лицо? Да, жадно вглядываюсь, ищу. Да, всё ещё надеюсь...

Никак, однако, не пойму, то ли москвичи так сильно изменились, то ли они всегда отличались от иногородних, а я

этого не замечал. Смотрю на них и удивляюсь. Куда подевалось их хвалёное радушие? Зачем появилась суетливость, какая-то истеричность в их движениях? Зачем и куда они спешат? Даже не знаю, что подумать. Теряюсь в догадках, а в голову закрадывается нехорошее предчувствие – словно бы я не вовремя приехал, словно бы здесь меня никто не ждал. Единственное объяснение в том, что где-то на перегоне между Брянском и Калугой произошло нечто похожее на временной скачок, как если бы по нелепой случайности, помимо своей воли оказался я в машине времени. Только поэтому на моих глазах всё это и случилось. Будто увидел то, что предназначено совсем не для меня.

Вот Брянский вокзал. Вот привокзальная площадь и за ней Москва-река. Вроде бы знакомый город, но не могу его узнать! То есть, почему всё так, понять нет никакой возможности. Внешне горожане уже совсем не те. Однако новая одежда, причёски – это всё в порядке вещей. Я бы и сам не прочь надеть кое-что по новой моде. Не удивляют и огромные дома, очень высокие – чтобы рассмотреть их, надо голову задрать. Не смущает и то, что не звенят трамваи, что на улицах совсем не видно лошадей, а извозчики пересели все сплошь на гудящие, рычащие автомобили. Даже каменные ступени, ведущие куда-то в подземелье, даже это меня не может напугать. Говорят, будто бы туда упрятали трамвай. Что тут поделаешь – технический прогресс идёт семимильными шагами. Я врач, а не технарь, однако это понимаю. И

всё же есть сомнение, туда ли я попал? Тот ли это город, в который так стремился?

Взяв извозчика и назвав знакомый переулочек, я поспешил закрыть глаза. Нет, у дядьёв гостить не собирался – мою измену медицине они, мягко говоря, не одобряли. Я же хотел всего лишь обозреть знакомые места, увидеть дом, в котором жила Кира. Ах, будь, что будет! Только бы обошлось без неприятных приключений.

Но не прошло и нескольких минут – автомобиль затормозил. В чём дело? Эй, водила, да ты никак заснул! Я открываю глаза и вижу, что остановились у преграды. Улица перегорожена грузовиками, в кучу свалены доски, старая мебель, с ближайшего сквера волокут деревянные скамьи. Какие-то молодые люди долбят булыжную мостовую и камни сваливают в основание баррикады.

Что тут поделаешь? Расплатившись с водителем, я вышел из машины. Конечно, можно было бы вернуться на вокзал и некоторое время переждать. Но кто знает, надолго ли затянется вся эта бодряга?

Я огляделся. Среди людей, толпившихся вокруг, были студенты и профессора, врачи, артисты, журналисты, инженеры... Так я определил по умным лицам и по тому, как бы естественному сознанию превосходства, которое увидел в их глазах. Уж это точно, здесь не было ни рабочих, ни солдат. Здесь были образованные, благовоспитанные люди. И вдруг такой бардак! Совсем как тогда, в октябре семнадцатого го-

да...

Боюсь, мне этого не понять. Граждане, ведь революция вроде бы уже свершилась! Как там у них? Земля крестьянам, мир народам... И баррикады на Пресне, и восставший народ – всё это было! И вдруг начинается опять... Эй, люди, что, вам делать нечего? Это самое я и хотел сказать, но промолчал... потому что вдруг увидел танк.

Он стоял не у реки, не возле набережной, а позади большого белокаменного дома, около одной из баррикад. Одинокий танк посреди толпы людей. Мне показалось, что пушка его была нацелена в направлении Малой Бронной. Только кому и зачем он угрожал?

Из башни танка показался солдат в комбинезоне, огляделся по сторонам, зевнул и, скрывшись в чреве танка, вновь задраил люк. Танк фыркнул, заработал двигатель, башня повернулась туда-сюда, словно бы выбирая цель... И вновь всё стихло. Только кругом бурлила, хороводила неугомонная толпа.

Этот солдат потом мне часто вспоминался. Невольный участник драматических событий, он, видимо, до сих пор не смог понять, зачем посадили его в танк и что он защищал там, на площади, на берегу Москвы-реки, у большого дома.

Я обратился к одному из строителей баррикад:

– Милейший! А не подскажете, что тут делаете?

– Разве не видите? Строим баррикаду.

– Вижу, что строите, но не могу понять, зачем?

– Вы, видимо, приезжий, – он с сомнением стал разглядывать меня. В свою очередь, я тоже не терял времени даром.

Небольшого роста весьма сердитый с виду гражданин. Одет, как заядлый турист – то ли возвращался из похода, то ли собирался в лес, а тут вот такая передряга. На голове защитного цвета панама, на ногах солдатские сапоги. Из прочего обращает на себя внимание аккуратная чёрная борода. Серые, чуть водянистые глаза смотрят строго, я бы даже сказал – нахально смотрят, вызывающе. Такое впечатление, что ощупывают сверху-донизу, нигде не оставляя свободного места – ни за пазухой, ни в карманах пиджака. «Дяденька, а я щекотки боюсь!» – так мне хотелось закричать. Однако промолчал, сдержался...

Вот он о чём-то задумался, прикусив нижнюю губу. Видимо, анализирует данные, полученные при поверхностном осмотре. Надо полагать, копался и в моих мозгах, я даже этого не исключаю... А любопытно всё же, что он там нашёл? Кто знает, может, есть там что-то, о чём я даже не подозреваю.

Итак, судя по всему, моим собеседником был приват-доцент столичного университета, возможно, с философского или, на худой конец, с филологического факультета. Да неужели так уж трудно ответить на вопросы сельского врача?

– И до чего ж дошла наша несчастная провинция! Живут там без газет, без книг, питаются только дикими, непроверенными слухами. И соответственно в политике, ну ничего

не понимают, – подвёл грустный итог своему исследованию приват-доцент.

– Так объясните... – я всё ещё сохранял надежду.

– Как бы это попроще вам сказать... – доцент брезгливо сморщился, в задумчивости закатил глаза. И молвил так: – Мы, гражданин, защищаем наши идеалы.

– Но от кого?

– Вам это будет сложно понять, – снова задумался, пошевелил губами. – В общем, от тех, у кого другие идеалы.

– Понятно. А чем ваши идеалы лучше тех?

– Ну вот! Я же сказал, что не поймёте.

– Да как же вас понять, когда... – попробовал возмутиться я.

– Послушайте, гражданин, если не хотите нам помочь, так уходите. Достали уже своими дурацкими вопросами.

– А может, он шпион? – вмешался в разговор курчавый парень, ковырявший мостовую чуть поодаль. – Гляди, одет как-то не по-нашему. Надо бы для порядка проверить чемодан.

Да я не возражал. Столпились люди. На общее обозрение были выставлены пижама, две крахмальные сорочки, носовые платки, галстук в крапинку, наволочка с вышитым вензелем «М.А.Б.», узелок с горстью родной киевской земли... На дне чемодана покоились перевязанные бечёвкой рукописи, моя надежда, мой насущный хлеб... Но не бумага привлекла внимание собравшихся.

– Эй, смотрите-ка, кальсоны! Да ещё с тесёмками. Теперь уж точно видно, что не наш.

Публика разглядывала исподние, поворачивая так и сяк, словно наглядное свидетельство моих вредительских намерений, словно бы я предъявил поддельный паспорт. Мнения по этому поводу высказывались резко отрицательные.

– Такие вот чуждые элементы со своими коммунальными кальсонами тянут нас назад, к тоталитарному режиму. Кальсоны как ничто другое компрометируют наше дело, утаскивая борьбу за идеалы в сферу решения бытовых проблем, а то и вовсе в пошлый анекдот. Братья, будем бдительны! Здесь не должно быть места проходимцам! Долой кальсоны! Да здравствуют семейные трусы!

С этими словами весьма упитанный и очень жизнерадостный юноша с внешностью профессионального пророка – чем-то он напомнил мне знаменитого французского писателя – вскинул руку, указывая в сторону набережной Москвы-реки. Подумалось, уж не предлагает ли он меня топить?

От линчевания меня спас приват-доцент:

– Митя! Вам бы всё шутить.

– Прошу прощения, Илья Борисыч! Но очень уж ситуация забавная.

– Не вижу ничего забавного. Ну что пристали к человеку? Эка невидаль, кальсоны!

Я уж было подумал, пронесло. Но вдруг слышу, и что самое обидное, от него же:

– А впрочем... Послушайте, вы не коммунист?

Однако странная логика – если коммунист, так обязательно в кальсонах?

– Я врач, – отвечаю. – То есть был врач, а теперь писатель.

– Врач? Это очень, очень хорошо, – радостно засуетился приват-доцент. – Это, знаете ли, очень кстати. С часу на час ожидаем штурм, а тут врачей и санитаров кот наплакал. Так я записываю вас...

– Куда это?

– В отряд.

Ну вот, опять мобилизовали. Сколько я уже всяких армий повидал! Красные, белые, жёлто-блакитные... Теперь вот эти размахивают триколором... Проблема в том, что, если откажусь, признают, чего доброго, засланным агентом, а тогда... Нет, об этом лучше уж не вспоминать – это я про Киев, про Петлюру. Петлюра, это же такая дикость! Ещё тогда подумалось, что совершенно пропадающая страна...

Наконец, отстали от меня. А я задумался, поскольку вот что странно. Уж сколько времени с тех пор прошло, многое на первый взгляд переменялось – язык, одежда, манеры и привычки... А люди-то, как ни прискорбно это признавать, люди те же. Всё-то им неймётся, всё-то тянет бунтовать! А спросишь их: «Зачем?» – так внятного ответа не дождёшься. Эх, сколько я таких успел за эти годы повидать! Видимо, причина в том, что, как была порода сомнительного свойства, такой она и остаётся. Да неужели навсегда? Неужто это

и есть непрременная основа выживания гомо-сапиенс? Инстинкт самосохранения одних ведёт на баррикады, других же заставляет лицемерить, приспособливаться. Ну так и хочется сказать: «О, нравы, нравы!»

И всё-таки, сохраняется слабая надежда, что всё не так, что грустные мысли – это всего лишь отражение моей тоски по прошлому, которого уж не вернёшь ... Куда всё подевалось? Всё было просто и понятно. И ясно было, к чему следует стремиться. А что сейчас?

– Однако, чего вы добиваетесь, – спрашиваю у парня, одного из тех, кто курочит мостовую.

– Свободы! – отвечает.

Я опять не понимаю... Ну неужели я такой тупой?

– Свободы от кого?

– От тех, кто свободу душит.

Какое же терпение требуется!

– Так какой свободы вы желаете? – набравшись наглости, допытываюсь я.

Вижу, что парень удивлён. Ему и в голову не приходит, что такие простые вещи надо объяснять.

– Ну как же... Например, свободы слова, то есть, чтобы говорить всё то, что захочу. Свободы иметь собственное дело, а не ишачить вечно на чиновников, на государство... Да много ещё самых разных свобод...

Свобода слова! Мне показалось, что слышу трели соловья. Что солнце выглянуло из-за туч. Что посреди этого пас-

мурного августовского дня на липах стали распускаться почки... Нет, правда, что ли? Тогда я точно с вами, господа. Мне без такой свободы никуда. Мне она просто позарез необходима! Тут чемодан, набитый рукописями, не вечно же с ним таскаться по Москве...

Вдруг за спиной загредел хор возмущённых голосов:

– Сво-бо-ды! Сво-бо-ды! Сво-бо-ды!

Птичье пение стихло. В ушах гудело, как у звонаря на колокольне или во время артиллерийской канонады там, в районе Каменец-Подольского, на войне. А в голове словно бы сам собой возник вопрос:

– А что будет, если все заголосят одновременно?

– Ну что же вы непонятливый какой! – вскричал приват-доцент. Он тут как тут, словно бы посчитал своей обязанностью надзирать за мною. Ну как же без него? – Само собой, получают слово только те, кому есть что сказать, кто может произнести что-нибудь толковое, ценное для прочих граждан.

– Но кто же это? Кто? – спросил я, втайне надеясь на протекцию.

– Назначим вот комиссию, она и отберёт наиболее достойных и проверенных, скажем так, благонадёжных...

– А остальные? – огорчился я.

– Да пусть пока помалкивают... Ну вы же сами только что сказали, иначе будет гвалт.

Вот странно, ещё несколько минут назад мечтал залезть

на танк и разразиться речью. Я хоть и монархист в душе, однако же всегда готов приветствовать даже не вполне понятные мне, но, судя по всему, искренние, благородные порывы. Особенно, если вижу скрытый смысл, который устраивает и меня... Но тут, вот именно тут никакого приемлемого смысла вовсе не улавливаю. Никак не могу избавиться от ощущения, что каждый думает только о себе. А кто же обо мне, несчастном, позаботится?

И потом, как же они станут договариваться, если победят? Ведь ясно же – ни свободы, ни справедливости на всех не хватит. В любые времена этот товар распределялся как привилегия: либо в соответствии с обозначенным сословием, либо по благу, либо по талонам. Теперь вот справку о благонадёжности потребуют. А что будет, если вдруг решат, что я для них чужой? Тогда придётся побираться, жить на пособие, ютиться по углам и, просыпаясь утром, сожалеть о том, чего со мной так и не случилось.

Но эти вот надеются – им-то уж точно повезёт! Но самое ужасное, что ничего не слышат, не хотят понять, словно бы находятся под воздействием наркотика. Мне ли не знать, как это происходит...

Смотрю на них – вроде бы нормальные люди. Разве что все как один увлечены борьбой за власть. Но это было всегда. Всегда есть недовольные – их хлебом не корми, дай только свергнуть очередного самодержца и тирана. Нет, чтобы поискать причину собственных несчастий в самом себе – но

разве им придёт такое в голову? Да, склонны к самообману, легкомысленны, скорее всего, в политике скверно разбираются. Да уж не лучше меня! Ну что ж... Зато наизобретали всяких приспособлений для удобства жизни – от автомобиля до телефона и биде. В общем, самые обыкновенные люди, напоминают прежних. Только погоня за миражами их испортила...

Вот так! Накрапывает дождь. Стал в чемодане рыться в поисках зонта... Так нет его! Неужто стырили при обыске?

Весь вымокший до нитки, я двинул в сторону Садового кольца. Пока добрался до Смоленской, почувствовал в желудке такую пустоту, как будто целую вечность голодал. И ещё дал себе клятвенное обещание впредь подальше держаться от политиков...

Всё, что случилось потом, до сих пор вызывает у меня недоумение и даже страх – о, господи, да неужели снова? Я помню, помню о моей Кире, но боли и отчаяния уже нет. Есть только сожаление. А потому не должно быть вроде бы ни галлюцинаций, ни кошмарных снов, но вот ведь... И как такое объяснить? Как самому себе признаться в том, что происходят со мной вещи странные, словно бы созданные вовсе не моим, а явно посторонним, чуждым мне воображением.

А началось с того, что мне подсунули осетрину далеко не первой свежести. Кто-то говорил, что в столице с продуктами жуткий дефицит, а тут, говорят, решили напоследок подкормить МИДовских чиновников. Было это в гастрономе на

Смоленской, отчего чуть позже возникло желание этот самый гастроном спалить. А что ещё можно предпринять, когда тебе в душу наплюют самым nepотребным образом? Сначала вежливо улыбнутся, подобострастно эдак вот раскланяются, и тут же самую натуральную тухлятину подсунут. Да лучше бы уж сразу обхамили! Я вспоминаю, как внимательно продавец смотрел в мои глаза – видимо, оценивал возможную реакцию клиента. То есть сейчас начнёт скандалить или же потом? Только ведь невозможно, стоя у прилавка, распробовать ну буквально всё. Да в этой толкотне и вовсе в глотку не полезет...

Как ни прискорбно это признавать, но в поджигатели я не гожусь. Самое большее, на что способен, это написать на эту тему фельетон. Или рассказ. Или роман... А что, это ли не побудительный мотив? Давно известно, что пустой желудок способен вызвать прямо-таки адских масштабов вдохновение!

Положим, с вдохновением у меня не было и нет проблем. Если пропало вдохновение, найдётся злость – в конце концов, это настоящему писателю без разницы. Однако прежде, чем браться за перо, следовало немного подкрепиться. О месте для ночлега я позаботился чуть раньше – какая-то тётка на вокзале сунула мне в руку карточку с адресом квартиры на Большой Садовой. Еле дошёл до Патриаршего пруда и тут только понял, что ноги протяну, так и не добравшись до квартиры, если срочно чего-нибудь не съем. Рукописи, воз-

можно, не горят, но зато уж точно отнимают силы. Особенно, когда идёшь пешком, к тому же ещё пребываешь в мерзком настроении. Тут и потерянный зонг, и бородатый демагог в солдатских сапогах...

Но вот уже уселся на скамейку под сенью многолетних лип. Здесь не было дождя. Да, в общем-то, дождь почти утих, и я надеялся без помех перекусить, чем бог послал – я ведь тогда ещё не знал, что в гастрономе мне подсунули. И так, расстелил газетку, достал из чемодана только что купленный батон, отломил горбушку и только собрался положить на неё ломоть моей любимой осетрины, как вдруг услышал громкое покашливание. Звук исходил от некоего гражданина – он двигался к моей скамейке вдоль пруда, по липовой аллее. Да, собственно, был уже в нескольких шагах. Что самое странное, уставился он прямо на меня.

Одет неизвестный был в стелившуюся по земле длинно-полую шинель, так что невозможно было определить, в сапогах явился или же в домашних тапочках. Одной рукой отмахивал, как и положено строевому офицеру, другая же покоилась в кармане. Что он в это время там проделывал – то ли изображал фигу из трёх пальцев, то ли держал на боевом взводе армейский пистолет... Да кто ж его разберёт!

Не знаю отчего, но аппетит пропал. Пока неизвестный шёл, я, начисто забыв про еду, смотрел на него и всё силился понять, отчего лицо это мне кажется знакомым. То ли в толпе на вокзале промелькнуло, то ли на баррикаде у Моск-

вы-реки стоял... Впрочем, в шинелях на баррикады никого не допускали.

Нет, посмотрите на него! Какова осанка, как гордо поднята голова, как презрительно сложены тонкие, холёные, словно бы из мрамора выточенные губы. Ну прямо, князь!..

Князь?! И тут я вспомнил... Тогда, во время последнего свидания с княгиней семейная фотография висела на стене. Да, да, как раз над тем диваном, где мы обнимались. Я только потом эту фотографию заметил – грустная Кира и её муж в форме добровольца. Князь собирался на войну.

Первым желанием было бросить батон с копчёной осетриной и бежать, куда глаза глядят, подальше от этого пруда. Сразу скажу, вида утопленников я не переношу ни при каких условиях. Если придётся умирать, не хочется вот так, с камнем, привязанным к ногам, или с пушечным ядром на шее. Я же не знал тогда, что пруд довольно мелкий, в нём и полутора метров нет.

Пока я размышлял о перспективах утопления, князь уселся на скамейку, откинул полы шинели, закинул ногу за ногу. Нет, вправду оказался в сапогах, домашние тапки только померещились. Вцепившись дрожащими руками в чемодан, я ждал. Только чего ж хорошего ждать можно от сиятельных?

– Так это вы? – князь даже не представился.

– Мне кажется, вас не совсем верно информировали, – парировал я, изобразив подобие улыбки.

– Имейте мужество признаться, если уж нашкодили.

– Что за слова!

– Слова, это, в основном, по вашей части, – прошипел князь. – Зачем задурили Кире голову?

– Я не дурил. Я с чистою душой!

– Ха! Так я и поверил, – он злобно рассмеялся.

Ну что тут возразишь, если тебе не верят?

– Послушайте, князь! Мы с вами взрослые люди. Можно ведь договориться как-нибудь...

– Это о чём же хотите договариваться? Испортили нам жизнь... Да при таком раскладе даже кусок в горло не полезет, – тут он скосил глаза на мою еду.

Ну отчего так не везёт? Только подумаешь, что избавился от страшных воспоминаний навсегда, а они оказываются тут как тут – прислали своего гонца. Вот он сидит рядом на скамейке, сопит, поглядывая на меня, наверняка какую-нибудь пакость приготовил. И что же остаётся мне? Что там советовал профессор... надо переложить свои заботы, страхи на другого. Всего-то на всего! Интересно, как бы он сам в этих обстоятельствах перекладывал?... Этот, вон, снова плянется на осетрину. Надо же и совесть, наконец, иметь!

Честно скажу, я не собирался князя угощать. Был бы хоть какой-то толк от этого знакомства, уж я тогда бы жадничать не стал. Но тут передо мной личность явно подозрительная, кто бы сомневался. Другой на моём месте давно бы обратился «куда надо», дабы разъяснить этого неизвестно откуда взявшегося князя-иностранца. Кто знает, как и с каким за-

данием он сюда попал? Да пусть хоть доллары предложит за эту осетрину, так всё равно же не продам!

Князь между тем продолжал:

– Я вот давно бы прошлое забыл. Однако княгиня каждое утро спрашивает, мол, не было ли писем из России. И что прикажете сказать?

– Не знаю... – я и в самом деле этого не знал.

– Хоть бы написал разок, – милостиво разрешил князь.

– Так она мне запретила...

– И правильно сделала.

Надо признать, логика у этих князей похуже тухлой осетрины.

– Ну вот, поговорили, – я стал собираться, раздумывая, не оставить ли ему батон. Батона мне не жаль – тут рядом есть булочная, я её чуть раньше заметил.

– Думаешь, тебе это сойдёт с рук? – князь метнул в мою сторону свирепый взгляд, затем, не меняя выражения лица, отломил кусок батона и положил на него пару ломтей осетрины. Моей осетрины, считаю это необходимым подчеркнуть!

– Да мне не жалко, – сказал я, сглатывая слюну. – Ешьте, не стесняйся, если очень хочется.

Как мало требуется человеку для того, чтобы избавиться от дурного настроения! Вот и наш князь – ведь только что сопел, не решаясь взвести курок и наказать своего соперника. А теперь, гляньте-ка, блаженство на лице, мысленно уже расправляется с батоном. Вот откусил, попробовал жевать...

Но тут, можно сказать, в самый ответственный момент, князь вдруг повёл носом, опасно покосился на меня и, чертыхнувшись, бросил недоеденный бутерброд в урну, стоявшую рядом со скамейкой. Послушайте! Эй! Да как посмел!

Между тем князь сплюнул, лицом побагровел, сжал кулаки и заорал так, словно бы я ему резал ногу без наркоза:

– Ну, гнида! Отравить князя вздумал? Так я ж тебя... – и сунул руку в карман своей шинели.

Кому из нас больше повезло? Мне, стараниями князя избежавшему промывания желудка, или ему самому, поскольку его тонкий аристократический нюх предотвратил катастрофу ещё большего масштаба – я как-никак врач, а кто бы ему в случае чего помог?

В сущности, времени на раздумья уже не было. Не знаю, почему я бросился в сторону Садовой? Даже теперь мне не понять.

Дальше всё происходило так, словно бы я оказался куклой в чьих-то грязных руках. Я и теперь уверен – всё было тщательно подстроено. И неизвестно откуда взявшийся трамвай, и мокрая от дождя булыжная мостовая там, на перекрёстке. Князь был всему виновник или же не князь, но в эти мгновения находился я попросту на волосок от смерти. Стоило ли пережить тиф, тяготы бегства от красных банд, стоило ли возрождаться к жизни после морфия, чтобы быть зарезанным вот так, вроде бы ни с того и ни с сего, ровно в тот момент, когда только приготовился сделать шаг к желанной

славе и к успеху?..

Итак, из Ермолаевского переулка, слегка притормозив на повороте, выкатился жёлто-красный трамвай. А я вдруг помимо своего желания остановился – так бывает, если мысль возникает на бегу. Кира! Кира там, в далёком, недоступном для меня Париже, стонет от тоски и одиночества, и что ни день проливает слёзы, вспоминая обо мне. Как же я это допустил, почему не использовал свой шанс, не остановил её, не удержал? Почему случилось так, что оба мы несчастны? Я уже не думал ни о том, что где-то позади князь целится в меня из револьвера, ни о том, что даже подкрепиться не успел. Все мысли были только об одном, о Кире.

Тем временем, выйдя из переулка, трамвай стал заворачивать на Бронную, двигаясь к ближайшей остановке. А я даже не успел пройти за турникет – на бегу, да ещё с тяжёлым чемоданом в руках совсем не просто предаваться грустным мыслям. В общем, я остановился, чтобы перевести дух, а трамвай надал. Логика описанной мною мизансцены такова, что я никак не мог оказаться жертвой катастрофы, даже будь у меня подобное желание. Даже если бы очень захотел! И только чуть позже, когда уже через улицу переходил, был остановлен жутким криком, раздавшимся позади меня. В мозгу так и холонуло: «Неужто всё-таки зарезали? Так я и знал!».

Откуда появилась эта мысль, я не догадывался. Однако на всякий случай оглянулся. Там, позади, вцепившись в вер-

тушку турникета, диким голосом вопил какой-то гражданин и, отшвырнув прочь с головы бейсболку, рвал на себе волосы и размазывал слёзы по щекам. Судя по всему, случилось что-то страшное.

Когда я подошёл, оказалось, что внешние признаки несчастья начисто отсутствуют. То есть на ближайшем к турникету участке мостовой было на удивление пусто – ни опрокинутого бидона с молоком, ни авоськи с рассыпавшимися по булыжникам продуктами. Да и вопящий гражданин, на первый взгляд, не производил впечатления сильно покалеченного – на вид то ли бывший регент, то ли почётный опекун, я в этих чинах и званиях не очень разбираюсь. Только жалобно хрустнул под ногой нечаянно раздавленный монокль, видимо, случайно обронённый. Да бог с ним, с этим крохотным кусочком прозрачного стекла! И всё же складывалось впечатление, будто что-то здесь произошло не так. То есть должно было произойти, но не случилось. Судя по всему, именно этим обстоятельством и был расстроен бывший регент. А впрочем, какой из него регент с такой-то непотребной рожей? Надо полагать, служил у сиятельного князя конюхом или денщиком.

Но даже если планировалось наказание за грехи, я не могу согласиться с тем, что оно адекватно содеянному мною. В конце концов, мог бы вызвать на дуэль. Да что там говорить – есть очень много способов, как покарать виновного, не прибегая к гильотине. Нет, отчего-то захотел покончить

отрезанием головы. Вот ужас! Откуда только у князей такая жажда крови?

Я снова припомнил танк у баррикады и обещание ночного штурма. Ну почему так много в мире зла? Почему нельзя всем договориться по-хорошему? Ну, если всем нельзя, то для двоих не так уж сложно подыскать приемлемое, я бы сказал, разумное решение, которое устроило бы и князя, и меня. Но тут в голове возникла мысль, словно бы сам себе некстати возразил, словно бы уничтожил, превратил в прах едва возникшую надежду. А можно ли любимую поделить, если любишь её не только ты, а любят двое? Да нет, конечно. Значит, остаётся лишь одно – избавиться от своего соперника. Желательно, раз и навсегда.

Ах, князь! Задумано ловко, но вот не повезло же. Сорвалось! И благодарить за своё спасение я должен Киру. Киру, милую, незабвенную мою Киру! Если б не задумался о ней, так бы и лежал сейчас на Бронной, бездыханный, под трамваем.

Так или иначе, но злодейское покушение не удалось. Да попросту не было его! Не состоялось! И что ж тогда? Ну не могу поверить, что всё это приснилось! И князь, и залежалая осетрина, и трамвай...

Я оглянулся на скамейку, ту самую, где несколько минут назад сидел. На мокрой от дождя газете пусто, а сытые, довольные вороны каркают, рассевшись на ветвях.

VII

С грехом пополам добравшись до квартиры на Большой Садовой, получил ключи от комнаты и сразу рухнул на кровать. Да после тех испытаний, я бы даже так выразился – издевательств, что выпали на мою долю близ набережной Москвы-реки и у Патриаршего пруда, можно было бы два дня проспять! Однако утром баба Глаша, хозяйка квартиры, разбудила. Вот, говорит, у нас тут вроде бы наметилась очередная смена власти, так ты, будь добр, давай вперёд, ну хоть за месяц заплати, а то ведь кто тебя знает, что за постоялец. Да я и то, честно скажу, стал сомневаться сам в себе с недавних пор. Особенно после того, как, сунув руку в карман пиджака, обнаружил там вместо ожидаемых рублей увесистую пачку долларов. Зато уж как обрадовал хозяйку – та руки была готова целовать. И, чтобы сделать постояльцу что-нибудь приятное, сообщила:

– С деньгами оно ведь как – сегодня есть, а завтра нету. А тут как раз на четвёртом этаже место ночного сторожа освободилось. Прежний-то уволился по причине душевного расстройства.

– Да что сторожить-то, – спрашиваю.

Она что-то говорит мне про музей, а я никак не в состоянии понять: откуда доллары? Смутно припоминаю, что по дороге в Москву то ли в карты выиграл, то ли, не дай Бог, ко-

го-то обокрал... Ах да! У иностранца, соседа по купе, было с собой что-то вроде походного, переносного казино. Страстный игрок, он и в дороге обойтись не мог без этого. Пока поезд добирался до Москвы, мы, запершись от посторонних глаз, играли в американскую рулетку. Он предпочитал ставить на чёрное или на «зеро», я же, как нетрудно догадаться, выбрал «три», «два» и «семь». Что ж, если не везёт в любви... Однако иностранцу тоже подфартило – если бы не его пристрастие к «зеро», так мог бы вовсе без штанов остаться.

Словом, на первое время я кое-что припас. Однако не о том, чтобы оказаться в сторожах, мечтал, когда выходил из поезда на Брянском. Конечно, на торжественную встречу с оркестром не рассчитывал, но и параша выгребать, даже если есть будет нечего, не соглашусь. Впрочем, работу предлагают тихую, спокойную. Да и кому какое дело, чем я занимаюсь по ночам?

Ну что ж, писать я за последнее время привык, когда все спят, так что всё неплохо складывается.

– Музей-то чей?

– Да я ведь толком и сама не знаю. Вроде какого-то писаки, сказки будто сочинял. Ты когда будешь сторожить, какую-нито книжку с полки возьми да почитай. Потом расскажешь, что за сказочник.

Я так и сделал. Но прежде, чем взять в руки это чтиво, обозрел комнату, где размещается музей. Надо же для начала составить впечатление об авторе – что за фрукт, чем зна-

менит, каков круг почитателей. Ведь как-никак однофамилец, вряд ли родственник, хотя иногда кажется, что на фотоснимках узнаю знакомые черты... Да нет, всё это ерунда. Такое просто невозможно! Писака этот вроде бы давно уж умер, но я-то здесь. Да никому ещё не удавалось слёзы проливать на собственной могилке! Тут чья-то мистификация, или что-то перепутали. Я глянул в зеркало – совсем, совсем не то!

Надо сказать, обилие фотографий в рамках на стенах теперь никого не удивит. Ничем не примечательный бухгалтер из стройтреста может выглядеть на них успешным бизнесменом, ловким обольстителем, даже титаном мысли в некотором роде. Это всего лишь оболочка, удачно обыгранный сюжет и результат искусной работы ретушёра. Мне ли не знать, как это делается? Но вот я вижу рабочий стол, пишущую машинку «Ундервуд» и книжную полку, заставленную книгами. Беру одну из них, просто наугад.

Поначалу рассказ о бездомном псе меня не очень-то увлёл. Много пришлось видеть за прошедшие годы такого, о чём никогда писать не стал бы – и грязь, и разруху, и вконец опустившихся людей, готовых встать на четвереньки и лаять на прохожих, только б заплатили. А тут, видите ли, история про какую-то собаку. Помнится, у Чехова читал... Да нет, совсем не то – здесь из бездомного пса некий эскулап дерзает сделать человека, пересадив гипофиз какого-то бродяги. Это надо же такое выдумать!

Понемногу сюжет меня заинтересовал, да и персонажи были выписаны с блеском. Особенно понравился тот самый профессор-эскулап. Жаль только, что выбрал он себе занятие не слишком благородное, мягко говоря. Будь я на его месте, всем этим пациентам кое-что поотрывал бы вместо того, чтобы лечить... Впрочем, не исключено, что именно такое желание возникало и у автора. Жаль, по сюжету требовалось другое.

Что же до основной идеи, ради чего и писалась эта книга, думаю, что профессор был не прав. То есть ошибался-то, конечно, автор, считавший, что причина неудачи этого эксперимента лишь в плохой наследственности. Я же осмелюсь утверждать, что во всяком деле главное – терпение. И для того, чтобы из тупого, ничтожного, невежественного существа сделать достойного человека, нужно время. Время, воспитание, подходящая среда. Да если не спешить, то можно справиться с любой наследственностью. Вопрос только в том, сколько нужно ждать. И ещё: захочет ли тот несчастный пройти трудный путь своего преображения только для того, чтобы убедиться – те самые воспитатели да эскулапы ничем не лучше пациентов, тоже люди не очень-то глубокого ума, разве что научились это тщательно скрывать да овладели ремеслом довольно сносно.

Тут мне припомнилось, из-за чего предшественника моего отправили в отставку. Душевое расстройство – так, кажется, хозяйка говорила. Решил бедняга-сторож от нечего де-

лать почитать, да сил не рассчитал. Чтение, оно ведь предполагает некую подготовленность ума, а то начнёшь голову ломать – что, да почему? Счастье, если сразу поймёшь, мол, это всё не для меня, а то ведь может оказаться вот такой упёртый. Тогда беда!

За несколько ночей осилив все книги этого писателя, в итоге понял вот что. Прежде всего, никакой это не сказочник, да и не фантаст, по большому счёту. Тут баба Глаша облажалась. Любимый его жанр – это сатира, фельетон. Вполне логичное желание высмеять то, чего решительно не принимаешь. Есть, правда, и другой путь – написать трагедию, выбрать самое ужасное из того, что есть вокруг, и описать это на страницах книги. Однако вот что меня смущает. Если человеку и без того непросто, тяжело, если смотреть на то, что творится за окном, совсем невмоготу, станет ли он читать трагический рассказ о том, что сам переживает ежедневно? Да нет, не нужно ему этого. А вот сатира, фельетон, гротеск – это в самый раз! Трагедии же предназначены больше для эстетов.

Ну ладно, пусть так, но что сказать об авторе? Пишет хорошо, чем-то всё это напоминает стиль моих рассказов. Я даже почувствовал, что и мне пора бы взяться за перо.

Но как-то ночью, когда уже разложил бумаги на столе, раздался стук в дверь. Настойчиво стучат, по-хозяйски. Звонк-то я отключил, чтобы мальчишки не тревожили. Дверь приоткрыл, цепочку не снимаю, мало ли что...

Смотрю, а там стоит она. В общем-то, всё при ней, только ресницы неопишуемой длины, помады многовато, да кожаная юбочка выше колен. Ну вот стоит, глядит на меня и улыбается. Я говорю:

– Мы по ночам не принимаем.

– Даже меня?

– А вы-то кто?

– Я от управдома.

Думаю с ужасом: неужто на соседа протекло? Трубы тут ржавые, изношенные. Капремонт не делали со времён царя Гороха.... Да ещё этот приبلудный кот неведомо откуда появился. Кто знает, может быть, из-за него...

– Так вы по поводу сантехники?

– Нет, по другому...

Вот ведь проблема среди ночи! Как-то неинтеллигентно, то есть негоже девицу выставлять на улицу. А может, ей просто негде ночевать?

– Так от меня что требуется?

– Для начала диван или кровать...

Ну так и есть – бездомная. Только бы не оказалось блох! Да нет, вроде не похоже.

В общем, до утра ещё часа четыре коротать. Книжки я уже перечитал, кот, в основном, молчит, да и вдохновение куда-то подевалось...

– Ладно, так и быть.

Заходит. На меня глазами зыркает, причём не просто так,

а с каким-то тайным смыслом. Тут только стал соображать... Да ладно, почему бы нет? Как говорят, ничто человеческое мне не чуждо...

Где-то через час, когда провожал девицу до двери, спрашиваю:

– Сколько с меня?

– Управдому отдадите...

Так и не понял, то ли в квартплату включено, то ли пришлют квитанцию за отдельные услуги? Честно скажу, в первый раз было словно сон. Если бы не повторилось через ночь, так бы точно и подумал. Только в конце месяца дошло – видно, так принято платить здешним сторожам. Тогда, выходит, прежнего именно девицы доконали? А я-то думал, начитался книг...

Словом, жизнь понемногу обустроивалась. И, как ни странно, время оставалось даже для того, чтобы писать. Вот только осталась нерешённой главная проблема – где печататься?

VIII

Когда попадаешь в незнакомый дом, первым делом начинаешь присматриваться, озираясь по сторонам в поисках того, за что бы зацепиться взглядом. Ищешь что-нибудь привычное, приятное. Вот и сейчас, попав в Москву, пытаюсь отыскать то, на что или на кого стоило бы опереться – место обитания, некую среду, где тебя приветят и поймут, где можно получить при случае совет либо обрести сочувствие после первой неудачи.

Нашлись добрые люди, подсказали – для будущего классика крайне важно иметь свой круг поклонников, что-то вроде клаки. Если кто не знает, так это организованная группа горластых почитателей – Миланская опера, Большой театр... Да ни один приличный тенор без клаки не возьмёт даже пол-октавы! А уж о том, чтобы книгу прочитали, без этакой поддержки даже нечего мечтать.

Ладно, думаю, идея богатая, может пригодиться, хотя для начала книгу надо бы издать. Однако где же эту клаку взять, если нет у меня в Москве ни единого знакомого. Хозяйка, баба Глаша, конечно же, не в счёт. Можно было бы завести полезные знакомства и в музее, да жаль вот – приличного человека не заманишь по ночам. Да и кому какое дело до ночного сторожа? Только вот приبلудный чёрный кот, да и тот занят, в основном, мышами. Что же остаётся – приходит-

ся идти в народ. С тем и пришёл в литературный салон, назывался он довольно странно – «Евдохины субботники», а располагался в том же доме, где я комнату снимал. Ну что ж, Евдоха так Евдоха. Впрочем, как мне объяснили позже, это оказалось вовсе не имя, а фамилия. Семён Васильевич Евдох – так звали гостеприимного хозяина.

Каюсь, к началу мероприятия я изрядно опоздал, поэтому бутерброды с селёдкой сожрали – при мне последний кто-то доедал. Честно говоря, я бы тоже не возражал, чтобы немного подкрепиться. Увы, остался только чай, да и тот без сахара. Подумалось – вот до какой бедности довели литературу! Однако ведь живут, творят!.. Кажется, я что-то пробурчал про это вслух, потому что вдруг на меня со всех сторон зашикали.

Ладно, затаил дыхание, губы плотно сжал, так что силком не разомкнуть, и только смотрю по сторонам.

Посреди большой комнаты, оклеенной дешёвыми, уже потерявшими первоначальный цвет обоями, стоит большой стол, покрытый жёлтой скатертью. Скатерть тоже не из самых новых, кое-где протёрта чуть ли не до дыр. На столе дымится самовар, видимо, из тех, которыми пользовались ещё в начале века. Да нет, на антиквариат никак не тянет, вполне обыкновенный экземпляр! Разливает чай дама средних лет, надо полагать, жена хозяина – скучная и бесцветная. Всего же в комнате расположилось полтора десятка человек – мужчин и дам примерно поровну. Никому из них я бы не от-

дал предпочтения, имея в виду дальнейшее знакомство. Вот разве что недурная, несколько растрёпанная дама тоже средних лет – она сидела у окна и время от времени обводила всех томным взглядом.

Если бы меня спросили, для чего они сюда пришли, я бы не спешил с ответом. Надо посмотреть и разузнать, с кем-то познакомиться поближе. Ну а поначалу складывалось впечатление, что собрались в надежде услышать что-нибудь особенно приятное, как бы отвечающее потребностям души. Словно бы уже не вмоготу смотреть белиберду по телеящику, словно бы все сплетни обсудили, так что докрасна раскалился телефон. Что ещё им остаётся? Да только припасть к вечному, живительному, неиссякаемому роднику литературы. Речь, прежде всего, о беллетристике.

Ладно, с гостями вроде бы разобрались. Теперь предстоит понять, о чём глаголят авторы.

Вообще-то, неблагоприятное это занятие – слушать, не имея возможности сказать. Это, к примеру, как солдат в строю. Слушай, как тебя кроет матом старшина, и молчи, пока не спросит. А если уже нет никаких сил молчать?! Если нет мочи соблюдать приличия, когда битый час тебе гундосят про мочу? Вот это: «В период развитого социализма было так: сдал мочу – значит, получил пропуск в большой мир. Не сдал – пеняй на себя...»

Так всё же сдал или не сдал? И если сдал, тогда какие результаты? Да уж, надо непременно сообщить, а то ведь чита-

тель может не понять, то ли у автора застарелый конфликт с «этим самым» пузырьём, то ли неразделённая любовь к юмору, родившаяся в недрах студенческого туалета.

С ужасом думаю: вот если бы я свой исповедальный роман написал, следуя изгибам мочевых протоков, сдобрив его сортирно-примитивными шуточками – что, если бы издали? Да в пору утопиться после этого!

Молчу. И снова каюсь – в сознании отпечатались лишь вырванные из контекста фразы. Если б попытался воспринять услышанное всё подряд, даже и не знаю – скорее всего, не дожил бы до конца этого сюжета. Вот слышу про «запах нечастой холостяцкой стряпни», про нездоровый образ жизни, а также про поиск плачущей сандалии – или мне это показалось? Но в основном – про роковые последствия «домовой слышимости» для автора всей этой галиматии. Вот ведь бедняга! Доконали!

Слушаю дальше. Однако не пойму, то ли это подстрочник для перевода на китайский язык, то ли тезисы для доклада на съезде фармакологов... А публика-то что? Да публика, судя по всему, довольна.

Но вот мужика, закамуфлированного под женщину, если судить по длинным волосам, сменяет дама, стриженная под мужчину. Ещё на полвершка – могла бы оказаться с абсолютно голым черепом... «Пытливо вглядываюсь в девичье лицо на фотографии: пристальные глаза под чуть припухлыми веками, ремешок сумки вокруг изящной кисти, узкий нос

туфельки из-под платья...»

Предупреждаю возможное недоразумение – это не я вглядываюсь, это она. Я же, признаюсь, не смог бы так подробно описать. Для этого нужен даже не талант, а нечто куда более объёмное. Ведь всё это – и сумка, и туфельки, и ремешок, и кисть, и даже платье – почтенная дама умудрилась разместить на девичьем лице. Видимо, так образ требовал даже вопреки желанью автора. Ну ничего себе, личико девчонка откормила!

Вот снова, на этот раз про нечто уникальное – «нечеловеческие дома». Внимательно, напряжённо слушаю, а в воображении возникают не дома и даже не квартиры с кухнями и спальнями, а почему-то люди. Да, да – люди с недостроенными лицами. Кто-то из них без уха, кто-то без носа, без щеки... Но это ничего, достроят. Только б чертежи не перепутали! А то ведь знаете, как у строителей бывает – лицо построят, а канализацию не подведут. И станут обитатели этого лица бегать во двор по самой крайней надобности. Вот так светлые мысли вылетают вон!

Молчу. Похоже, близится к концу... А я молчу. Если продлится ещё хотя бы полчаса, то упаду под стул и никогда уже не встану...

Но вот, кажется, что-то интересное. Слушаю внимательно: «Нет на свете ничего прекраснее заросшего русского кладбища...» Довольно спорная мысль. Однако же допустим... «Лежит оно под густыми купами берёз, теряется в

зарослях боярышника, бузины и сивой, годами не кошенной травы, что стоит высокой, до пояса, стеной на месте бывшей здесь некогда ограды...» Надо признать, уже гораздо лучше. Чем чёрт не шутит, а ну как скажет что-нибудь достойное отечественной литературы. И что же слышу в завершение этого отрывка: «Случайный прохожий, следующий мимо неширокой полевой дороги, замечает эту своеобразную изгородь, возведённую матерью природой взамен развалившейся человеческой...»

Как так? Опять?! Нет, ну это просто невозможно! В конце концов, «нечеловеческие дома» я ещё могу переварить. Это если они по какой-то неизвестной мне причине обезлюдели. Но вот «человеческая изгородь» у кладбища... Это что же – там покойники стояли?! Вот ужас-то!..

Ну, слава Богу, всё. Покойников закопали, кресты поставили на могилках. Дальше – поцелуи, овации, комплименты и объятия.

– Эльза Карповна! А с чего всё начиналось?

– Вы знаете, моё паскудное воображение, спущенное с цепи еще когда-то в раннем детстве...

Вот в это верю! Точно верю! Даже сюда доносится его собачий лай. Трясутся стены. Кто-то строчит на пишущей машинке. Потухла сигарета, но уже дымится абажур настольной лампы. Шедевр рождается в невыносимых муках... Ну, ну, родимая! Жги, наяривай, давай!

– Честно признаюсь, я не хотела быть литератором. Сей-

час я очень хочу, потому что мне это приносит деньги... Ещё на физфаке узнала, что Бродский получил Нобелевскую премию. Подумалось, а почему не я? Стала писать стихи... И вот, наконец, добралась до большой литературы.

– Ваша идеологическая линия... С кем вы, как гражданка, как писатель?

Этот вопрос задал довольно упитанный господин, сидевший во главе стола, по другую сторону от самовара. Если судить по лоснящемуся лицу и явным признакам раннего выпадения волос, служил он продавцом в гастрономическом отделе или, на худой конец, чиновником в отделе по распределению жилплощади. Лысый господин – это и был Семён Васильевич Евдох. Вечно эти не по возрасту озабоченные мужики норовят задать каверзный вопрос прелестной даме. Однако и дама, видимо, не промах:

– Я не придерживаюсь какой-то строго определённой линии. Человек, обладающий собственной идеологической позицией, на мой взгляд, просто не умен. Потому что достаточно способная к мыслительной деятельности личность не станет себя ставить в рамки какой-либо системы. Мыслящий человек меньше всего хочет быть рабом. Если бы на меня влияли общепринятые правила, я бы приложила все усилия, чтобы от них избавиться.

Семён Васильевич удивлён:

– Вы не признаёте принципы общественной морали?

– Да! Я выше и морали, и нравственности, – гордо заяв-

ляет дама.

– Но как же так, Лизонька? Это вроде бы не комильфо, – замечает кто-то из её поклонников.

– Радость моя! Не комильфо – это то, что ниже. А я гораздо выше, знаете ли, – судя по тону, Лизонька слегка обиделась.

Далее следует вопрос по существу:

– А как называется этот ваш роман?

– Название я выбрала простое – «Сезан».

– Но почему именно Сезан? Чем не понравился вам, скажем, Модильяни? – это я спрашиваю.

– Ничего не могу к этому добавить.

Что ж, пусть будет Сезан. Хорошо хоть не Ван-Гог – было бы обидно за любимого художника. Ну ладно, с названием кое-как разобрались, а остальное...

Наконец, слово взял Семён Васильевич Евдох. Как и положено, по завершении культурного мероприятия следует подбить итоги:

– Дамы и господа! Я вот что вам хочу сказать. Как невыносимо, когда холодные, самовлюбленные, абсолютно полые люди примазываются к мировой культуре! Нет, это не мои слова. Но очень кстати вспомнилось. Честно говоря, я бы тоже не стерпел. Да можно ли молчать, когда чуть ли не дословно списывают, когда заимствуют светлые идеи, когда воруют у тебя, по сути, самое дорогое, что ещё осталось в жизни – возможность писать то, что приходит в голову. Да что

там говорить – грех, великий грех отбирать хлеб у тех, кто добывает его тяжким писательским трудом.

– Bravo, мэтр, – поддержал патлатый мужик.

– Всё именно так, – подтвердила бритоголовая Эльза Карповна.

– И вот ещё что скажу, – продолжал Семён Васильевич. – Слава Богу, есть ещё у нас авторы, способные постичь суть происходящего в стране, дерзающие совершить гражданский подвиг ради своего народа. Честь и хвала им! – и уже под дружные овации: – Кстати, спешу вам сообщить, что госпожа Улючевская с романом «Сезан» вошла в шорт-лист литературной премии.

Да кто бы сомневался... Сегодня премию дадут роману о бомжах под названием «Сезан». Завтра «Эль Греко» обзовут поэму о путанах... Так и живём. Подумалось вот о чём. Неужто в литературе дела так плохи, что графомана перевозносят до небес только за то, что он придерживается якобы прогрессивных взглядов, а сделанные второпях дневниковые записи называются романом?

И вот сижу на скамейке у пруда, раздумываю: стоит ли писать, если рассчитывать на эту вот читающую публику? А что мне остаётся? С другой стороны, если вдруг не повезёт, причина вроде бы ясна – читатель виноват. Дальше больше – оказывается, не тот народ, не та страна. И вообще, всё совсем не то – не то, что хочется. Однако нельзя же при каждой неудаче взять и поменять страну. Так только варежки весной

меняют на перчатки.

IX

Честно говоря, ко времени последнего приезда в Москву роман я с Божьей помощью всё же написал. А что замыслено было на баррикадах, у гастронома на Смоленской, у пруда – так это осталось на потом. Надо же услышанное и увиденное сперва переварить, дожидаться, когда в сознании возникнет некий образ. Правда, небольшую пьесу на эту тему я всё же предложил театру. Ну а пока, продолжая по ночам сторожить музей на Большой Садовой, пытаюсь протолкнуть роман в какой-нибудь журнал. В первом же через неделю получил отлуп. А вскоре отказы эти на меня посыпались, как дождь на путника, оставшегося без зонта. Нет, думаю, так не пойдёт. Что я им, пацан, чтобы бегать по редакциям! Сначала было решил пойти по адресу и дать кому-то в ухо... Но прежде, чем скандалить, полагалось бы спросить:

– А почему отвергаете будущего классика?

Вот с этим и пришёл. Маленькая комната, большую часть которой занимали огромный шкаф и письменный стол, по своему виду предметы вполне типичные для заводской бухгалтерии или судебной канцелярии. В этой убогой обстановке явно неуместным казался бронзовый канделябр, стоявший на столе – видимо, подарок сослуживцев к юбилею.

Рецензент встретил меня вежливой улыбкой.

– Очень приятно, – промолвил он и поспешил предста-

виться: – Перчаткин Кузьма Иванович. Прошу садиться.

Я сел на стул.

– А вас как зовут? – ласково глядя на меня, спросил Перчаткин.

– Афанасий... то есть Михаил... Михайлович, – так растерялся... не знаю, что и говорю.

– Очень приятно! Очень! Ну-с, расскажите немного о себе. Где учились, с кем пришлось сотрудничать, кто давал вам первые уроки? – По-прежнему нежно глядя на меня, Перчаткин изобразил на своём лице внимание и даже малую толику сострадания, которое педагог испытывает к нерадивому ученику.

– Да вот, учился на врача, – больше я и не знал, о чём сказать.

– Ну да! Да! Конечно! Теперь все классики учатся сначала на врачей. Почти как Гриша Горин или же Арканов...

– Это кто ж такие?

– Не знаете? Впрочем, откуда же вам знать, – посетовал Перчаткин. – Да, о чём это я?.. Литинститут когда изволили закончить?

– Я же говорю... медицинский факультет... там, в Киеве.

– Ну ясно, в Киеве. Кто бы сомневался, – изобразив на лице некое подобие расстроенных чувств, Перчаткин кряхтя встал и подошёл к огромному шкафу, доверху заполненным толстенными папками, по виду чуть ли не пудовыми.

– Вот работёнка-то! – вздохнул Перчаткин. – Тут семь по-

тов сойдёт, пока отыщешь нужный экземпляр. Вы перед тем, как нам отдать, не взвешивали?

– Кого?

– Да кого ж ещё? Роман, – с усмешкой пояснил Перчаткин. – Если знать точный вес, я его сразу опознаю. У меня на это глаз намётанный. Может быть, хоть, сколько там страниц, запомнили?

– Триста две страницы, – ответил я. – Это если не считать титульного листа.

– Значица, триста три, – задумчиво произнёс Перчаткин и резким движением выдернул из шкафа знакомую папку с розовой тесёмкой. Это и был написанный мной роман.

– Ну что ж, – сказал рецензент, взвесив на руке папку с рукописью. – Здесь чувствуется несомненный талант. Способность описать пейзаж, подробности жизни главного героя, его биографию, родственников до пятого колена... Да, скажу вам, для этого нужна большая голова, – он с сомнением покосился на мою вполне обычных габаритов голову. – Жаль только, нет у вас соавторов. Помнится, когда я работал цензором в академическом журнале, так там... Ну да это дело наживное, – Перчаткин развязал тесёмки, водрузил на нос очки и стал читать.

В молчании прошло несколько минут...

Тут зазвонил телефонный аппарат. Неторопливо сложив в папку рукопись и завязав тесёмки, Перчаткин снял трубку с аппарата и недовольным голосом столоначальника в главном

офисе «Газпрома» сказал:

– Да! Слушаю! У аппарата! – и вдруг лицо его расплылось в очаровательной улыбке, глаза заискрились, как на рождественской ёлке бенгальские огни, морщины разгладились и даже слышно было, как сердце застучало быстро-быстро: – Андрюша, ты ли это? Сколько лет! Ну, как здоровье, как семья? Так... так... Я очень рад... Рассказы? Что ты, дорогой! Конечно, всё в порядке. Я сразу главному на стол ... Да, да... записочкой сопроводил. Всё, всё как полагается... Да ты не беспокойся! Думаю, что в ноябрьский номер попадёт. Так что с тебя причитается, Андрюша!.. Ну, будь! Увидимся, когда будешь в Москве.

Ещё продолжая улыбаться, Перчаткин глянул на меня. Улыбка съёжилась, морщины углубились, и на лице где-то в районе переносицы повис немой вопрос: а этому-то замухрышке что здесь надо? И вот, не скрывая огорчения, Перчаткин положил пухлую ладонь на папку. Ту самую, где обретался мой роман.

– Жаль! – Перчаткин смотрел на меня, не скрывая огорчения. – А ведь задумано просто гениально! Поверьте, я отвечаю за свои слова. Эх, можно было бы конфетку сделать, – он даже прицокнул языком. – Но вот беда, тут очень много лишнего, такого, что категорически следует изъять. Это же явно не проходит, – и с сожалением развёл руками, – Вот если бы вы сократили рукопись так, чтобы вместо двух кило она тянула грамм на пятьдесят... – Перчаткин внимательно

глянул на меня. Ну точно так, как продавец, который втюхивал мне тухлую осетрину в гастрономе на Смоленской.

– Что ж... я, пожалуй... подумаю над вашими словами, – смущённо произнёс я, ощущая томление в нижней части живота, как после съеденной тухлятины.

– Ну вот и хорошо! – Перчаткин снова улыбался, одной рукой отворяя дверь в коридор, а другой передавая мне папку с рукописью. – Приятно было познакомиться. Если появится желание, снова заходите... ну скажем, года через два.

Я встал, слегка покачиваясь, надо полагать, от долгого сидения. Засунул рукопись в портфель. И уже собирался распрощаться, как полуоткрытая дверь внезапно распахнулась настежь, и в комнату ворвался человек.

Глаза, налитые кровью, искривлённое гримасой ярости лицо... Не приведи, Господи, повстречаться с таким вот ночью, в тёмном переулке. Раздался грохот – это повалился массивный стул, на котором только что сидел Перчаткин. Выхватив из шкафа самую увесистую папку, рецензент забился в угол, прикрываясь папкой на манер щита.

– Вот что, Перчаткин! – прорычал погромщик. – Я тебя предупреждал?

Выглянув из-за папки, Перчаткин закивал.

– Я тебе говорил, что в следующий раз буду морду бить?

В ответ раздалось невнятное мычание.

– Ну так не взыщи!

С этими словами вошедший вырвал из рук Печаткина

папку и стал лупить его по голове.

Где-то в коридоре закричали. Завыла пожарная сирена. Раздался топот множества сапог.

– Ты слышишь меня, Перчаткин? Учти, в последний раз! В следующий раз приду с бейсбольной битой или с ледорубом.

И погрозив на прощание кулаком, исчез столь же быстро, как и появился.

Потребовалось несколько минут, чтобы место происшествия привести в порядок.

– Вот... – прикладывая ко лбу массивный медный канделябр, произнёс униженный Перчаткин. – Вот так всегда! Ночей не досыпаешь, недоедаешь, стараешься поскорее дочитать роман, а результат почти всегда один, – Перчаткин потрогал голову и лицо его болезненно скривилось. – И ведь обидно то, что никто не понимает. Да что уж тут говорить, если только вы один...

Мне стало жаль беднягу. Я бы и сам не прочь набить такому морду, но надо же понимать – этим делу не поможешь. Это ж сколько придётся лупить по головам, чтобы добиться нужного успеха! И тут у меня возникла странная, в общем-то, шальная мысль. Мысль воплотилась в ещё более диковинную фразу. Честно скажу, я от себя подобной прыти никак не ожидал:

– А не пойти ли нам слегка поддать? Как вам такая перспектива?

Перчаткин так и застыл, держась за канделябр. Видимо, не каждый день в редакцию являются с подобным предложением. Вместо того, чтоб потребовать сатисфакции или по мордасам бить, вдруг приглашают в ресторан. Нет, в самом деле, это что, всерьёз или насмешка? Мысли забегали по его лицу. Покружив на ограниченном пространстве от покрасневшего правого уха до саднящего левого виска, встревожив не на шутку оба глаза, мысль рухнула вниз, успокоившись в окрестностях полураскрытого от изумленья рта. Глаза всё ещё зыркали по сторонам в то время, как рот, облизнувшись, произнёс:

– Отчего же не пойти? Пойти, конечно, можно. Вот только это зависит...

– Платить за выпивку и закуску буду я. По случаю знаменательной встречи угощаю.

Судя по замедленной реакции, случившийся мордобой не обошёлся без последствий. Перчаткин и без этого туго соображал, а тут и вовсе стал походить на инвалида интеллектуального труда. Во всяком случае, наш недавний разговор и столь заманчивое предложение в его сознании никак не уживались. Виданное ли дело, чтобы обиженные авторы предлагали выпить за свой счёт!

– Да праздновать нам с вами вроде нечего, – заметил озадаченный моими словами рецензент, возвращая на место канделябр. Но, чуть подумав, махнул рукой и стал запихивать папки с рукописями в объёмистый портфель, пригова-

ривая: – Разве что как благодарность за совет, – и вот уже немного осмелев, оправдывается: – При нашей-то зарплате, знаете ли, хватает только на булочку с кефиром. Да ещё на белую головку по престольным праздникам...

И вот уже идём по Малой Бронной мимо Патриаршего пруда. Чуть дальше, на Большом Козихинском, как выяснилось, есть уютный кабачок в подвале. Тем временем Перчаткин увлечённо продолжает что-то объяснять. То ли оправдывается, то ли не в состоянии поверить в своё счастье:

– Я много, в общем-то, не пью, вы не опасайтесь... Нет, это не означает, что совсем не пью. Хорошую компанию всегда рад поддержать, особенно если... – тут он насторожённо замолчал, глянул мне в глаза и спросил заискивающе: – А вы не передумаете? – и даже чуть замедлил шаг.

Я мысленно пересчитал содержимое бумажника, прикинул, что при интенсивном разговоре должно хватить на три, ну скажем, на четыре часа, и предложил поторопиться. Да он и сам не прочь был поскорее выпить...

Сидим за столиком. Стол накрыт на два куверта. В качестве аперитива – виски «Чивас ригал». В зале звучит приятная музыка, а по большому экрану, висящему на стене, проплывают кадры из старой кинохроники – дамы в широкополых шляпах с перьями, офицеры лейб-гвардии Его Величества гренадёрского полка, банкиры и заводчики в цилиндрах... Ах, как давно всё это было!

И вот, погрузившись в кресло и глядя на экран, я поне-

многу перебираю в памяти события прошлых лет. Вновь на Пречистенке, стою у дома на Обуховом и вижу, как Кира уезжает. Бросает дом, родную страну и устремляется в Париж. А я за ней поехать не могу... Да, смелости не хватило, пусть так. Однако чего бы я мог таким образом добиться? Опять стоять под окнами её дома где-нибудь в Кламаре или же в Клиши? Опять молить о свидании и прятаться от князя? Да нет, не нужен мне такой Париж! Такой Париж представляется мне скучным, неудобным, так что вряд ли...

После третьей рюмки «Абсолюта» разговор сам собой перешёл на мой роман.

– Есть, есть всё же элементы пошлости в вашем превосходно написанном романе, – рассуждал Перчаткин, запихивая в рот салат.

– Так превосходен или нет?

– Главная непристойность в допущении самой мысли о том, будто некто великий и всемогущий, творящий зло, доброжелательно следит за вами и намеревается вот с какой-то стати сделать именно вам, разлюбозному, добро...

– Но ведь это же нормально. Каждому по делам его...

– Не верю я в высшую силу. Верить надо в волеизлияние людей.

– Волеизъявление... – поправил я.

– Пусть так, – согласился рецензент. – Тут важен потаённый смысл, а не способ выражения.

– Ну, если так... – меня никак не устраивало перераста-

ние задушевной беседы в принципиальный спор философско-религиозного разлива с признаками мистики. А ведь от идеологической дискуссии до скандала всего лишь один шаг. Тут уж никак не обойтись без ругани и поливания друг друга соусом из-под салата «Оливье».

– Вот именно так! – словно бы подтвердил мои слова Перчаткин. – Что до меня, то я литературу без этого не мыслю. Если коллегиально, то есть всем литературным сообществом решили, кому, как и зачем следует писать, так уж изволь этой установке соответствовать. А иначе спрашивается, за что боролись? Так неужто зря?

Перчаткин грозно глянул по сторонам, как бы намереваясь припечатать к позорному столбу любого, кто попытается ему перечить. И припечатает, и в чёрный список занесёт! Однако захотелось несколько смягчить его воинственный пыл, и я осторожно выразил сомнение в действенности большевистских методов в литературе:

– А помните, как у Олеси: «В искусстве нет той площади, на которой можно взять Зимний!»

– Не говорите мне про этого гражданина.

– Это как? – я был изрядно удивлён. Правду сказать, даже оскорблён столь нелюбезным отношением к этому писателю.

– Да вот так уж! Не люблю его. Чуждый он элемент в нашем пишущем сообществе.

– Но почему?

– А потому! Мы тут из сил выбиваемся, каждый год выдаём на гора роман, а то и по два. Ну а он что?

– Что?

– А ему всё трын-трава! Он, видишь ли, пишет в день по строчке, да и то слишком много ему кажется.

– Но если писатель требователен к качеству своего труда...

– А жить на что? – возразил Перчаткин. – Литературных премий до чёрта развелось, но ведь на всю нашу братию этого не хватает! – в словах плодовитого рецензента сквозила тщательно скрываемая зависть и явно наблюдалось ничем не сдерживаемое озлобление.

– Если не нравится Олеша, тогда подскажите, как писать.

– Ну, это же просто, – оживился рецензент. – Сразу чувствуется, что в Литинститутах не учились. Так вот, перво-наперво следует разбить пространство рукописи на несколько частей. Первую называете завязкой, вторую кульминацией, а третья... – тут он замешкался. – Тьфу чёрт, слово подзабыл. Словом, в третьей весовой части всё всем должно быть ясно. Добавьте к этому знание грамматики, и успех у публики вам обеспечен.

– Мне кажется, рецепт ваш изрядно устарел, – осмелился возразить я. – Мой скромный опыт блужданий по редакциям подсказывает совсем другое. Возьмите для примера последний роман, который выдвинули на национальную премию. Что мы там видим? Обругать прежнюю власть, добавив

несколько матерных словечек и сомнительного содержания метафор – вот ныне слагаемые литературного успеха!

– Ну и что вам стоит?..

– Но я так не могу! – прокричал я, на мгновение забыв, где мы находимся.

– Странный вы человек, – молвил Перчаткин, налегая на закуску. – Кстати, жульен очень даже ничего. Так вот, я и говорю... то вам успех всенародный подавай, то начинаете целку из себя изображать. Не надоело так корячиться?

– Мне нашу литературу жаль!

– Да бросьте вы! – рассмеялся рецензент, утирая рот салфеткой. – Кому нынче нужна эта ваша... как её... литература? Требуется ходовой товар, и тут сметливому человеку полное раздолье, надо лишь руку как следует набить. Тут уж ничего не поделаешь, поскольку слаб человек, а кушать хочется... – с этими словами Перчаткин потянулся к водке.

– Нет уж! Этого мы вам не позволим, – заслоняя свет мозаичного плафона на стене, над столом нависло полтора центнера мослов, костей и сухожилий, для пущей важности помещённые в цивильный сюртук, необъятных размеров штаны и лакированные туфли-лодочки. От всего этого несло ароматами дешёвого пива и коммунальной кухни конца сороковых годов.

– А что, граждане! Не сообразить ли нам по портвешку? – с этими словами полтора центнера рухнули на стул. Стул крикнул, однако скидывать незваного седока не стал. Только

вот плафон угрожающе закачался на стене, отчего по лицам заскользили испуганные тени.

Лицо Перчаткина сморщилось, словно кошелёк, из которого извлекли единственный червонец.

– Дутов, ты бы хоть иногда разрешения спрашивал, когда встречаешь в разговор.

– А нечего напиваться по углам! Народ, он тоже хочет, – с этими словами Дутов налил водки в фужер и, опрокинув его в необъятных размеров пасть, изрёк: – А правда, что ли, Улючевской снова премию дадут? Друзья! Чуваки! Во жопа-то будет!

– Если учесть, что ты сам ходишь в председателях жюри... – попробовал осадить Дутова Перчаткин, но не тут-то было:

– Это не я! Там страшные тролли заправляют. Мы, вменяемые человеческого облика, Улючевской не хотим. Чес слово!

– Да ладно врать-то! – возразил Перчаткин. – Вы с ней друзья ещё по пионерлагерю при Жигулёвском пивзаводе.

– Ложь! Подлая клевета! – Дутов снова потянулся за бутылкой, но этот манёвр был пресечён Перчаткиным, поставившим бутылку на противоположный край стола. Огорчённый Дутов посмотрел бутылке вслед и, видимо, под влиянием этого огорчения признался:

– Какие, однако, отменные мудаки теперь романы пишут. То есть, о чём именно пишут, мне, по большому счёту, всё равно. Хреново, что продолжают писать... и пишут, пи-

шут...

Мне показалось, что вот ещё чуть-чуть и Дутов свалится под стол, а нам с Перчаткинским придётся тащить его до ближайшего такси на своих плечах. От этой перспективы стало грустно.

– Чтой-то ты сегодня очень уж смурной, – обращаясь ко мне, промолвил Дутов. – Чует моё сердце, что радости жизни тебя обходят стороной. Слушай, а давай мы тебя женим!

– С какой стати? – испуганно воскликнул я. – Я уже женат.

– Это поправимо, – успокоил меня Дутов. – Знающие люди советуют раз в десять лет сменить мебель в квартире и время от времени подыскивать новую жену. – Дутов с интересом посмотрел на меня: – У тебя с мебелью как? А то я тебе свою могу уступить по сходному тарифу. Ты не поверишь, до жути надоела. Смотреть на неё больше не могу!

– Да я как все, – смущённый подобным предложением, я не решался отказать. – Что мебель? Стол, стул, кровать и этот... как его... приبلудный кот, – потом слегка замялся, так сразу и не сообразив, что ещё надо бы присовокупить к списку.

Так, в общем-то, бывает. Привычное не замечаешь, а то, что видел только раз, врезается в память так, что никакими клещами из неё не вытащишь. Само собой, если вдруг окажешься в такой компании...

– Не густо! – во взгляде Перчаткина возникло сострадание. Казалось, вот ещё чуть-чуть, и цензор пустит обильную

слезу. А там и роман мой напечатают.

Однако Дутов воспринял моё откровение совершенно по-другому:

– Вот человек! – вскричал он, вызвав недолгое замешательство среди посетителей и обслуги кабака. Но Дутову этого было явно мало. – Нет, даже не человек, а человечище! Именно так! Именно только стол, да пружинная кровать! А что ещё нужно настоящему писателю? – с этими словами гигант сполз со стула и, бухнувшись передо мною на колени, заорал: – Я сейчас буду тебе ноги целовать! Смотрите все! Вот он... то есть она. Вот он, надежда нашей русской словесности!

Я был вконец смущён. Сначала называли талантливым писателем, а теперь вот связывают со мной какие-то надежды. Способен ли я их оправдать? Этот вопрос давно уже бередил моё сознание непризнанного классика. В общем, пришлось заказать ещё одну бутылку.

– Ты не смущайся, – Дутов уже встал с колен и даже успел опрокинуть рюмку водки в бездонную утробу. По счастью, публика в зале, привычная к подобным вывертам, не реагировала никак. Лишь я воспринял всё это серьёзно.

– А где же тут сортир? – некстати промычал Перчаткин.

– Вон там, за коричневой портьерой, – Дутов помахал в сторону рукой. – Слева «Жо», а справа «Мы». Только смотри не перепутай, – и, проводив Перчаткина насмешливым взглядом, налил нам по рюмке. Затем приблизил вспотевшее

лицо ко мне и часто задышал.

– Я тебе вот что скажу, – прошептал Дутов, опасливо оглядевшись по сторонам, – Перчаткин твой, он та ещё сволочь. Прежде в Главлите обитал, стоял, так сказать, на страже правопорядка и идеологии. А потом случилось так – не доглядел. По его вине, видишь ли, был опубликован некий роман, про игемона какого-то и про Христа. Да я сам не читал. Говорят, Перчаткин разрешил публикацию по пьяне. Так роман этот вызвал офигенное брожение в умах, в итоге и возникла вся эта заварушка. – Дутов скосил взгляд в сторону туалета и продолжал: – В наказание Перчаткина понизили в воинском звании и назначили цензором в журнал. Впрочем, теперь его должность как-то иначе называется. Но суть дела это не меняет, потому что таким, как он, надо яйца поотрывать, чтобы другим неповадно было! – и Дутов погрозил кому-то кулаком, сопроводив это действие звериным рыком. А затем произнёс уже куда спокойнее: – Это я тебе точно говорю! Так что будь поаккуратнее с этим прохвостом и не очень-то болтай.

Я снова загрустил. Надо же было так нарваться! Мало того, что грядёт тяжёлое похмелье, так ещё и пьянка оказывается впустую. Впрочем, Дутов тоже особого доверия не внушал – обыкновенный выпивоха, неудачник на литературном поприще, скорее всего, влиятельный папаша пристроил своего оболтуса на хлебную должность в солидное издательство, да там он и застрял. Будет ли от него толк – это ещё бабушка

на двое сказала. Но вот то, что изрядно похудеет мой бумажник, это я усвоил однозначно. Ладно уж, отрицательный результат тоже может быть полезен. А разве не так появляется жизненный опыт у писателя?

Всё было бы ничего, если бы не слова этого Перчаткина.

– Но неужели книги – это просто товар? Неужто в литературе заправляют лавочники? Куда же подевались настоящие писатели? – этот крик души родился во мне на излёте вечера

– Да ни один из тех, кого печатаем, не только не писатель, но и вообще не понимает, что такое литература. Возьми хотя бы последнюю книжку этой... как её... Ты только послушай, что пишет, цитирую по памяти, – и, закатив глаза, продекларировал: – «Среди извилистых луж с раздавленными волосами поступью рока возникла невесомо одетая женщина с пустыми длинноватыми руками»... А! Каково? Да тут нелепица на нелепице! Вообще, прости Господи, пишет форменную чепуху.

Мы выпили ещё по рюмке, и Дутов с явной грустью в голосе сказал:

– В общем, пиши или не пиши, никто не будет толком разбирать, что там у тебя написано? Одна дорога – в мусорное ведро... Само собой, если твой сосед не работает в издательстве, – тут Дутов подмигнул и опрокинул в рот очередную рюмку.

Да где мне взять таких соседей? Тётка Глаша, добрая старушка... Торгующий девками управдом. Отставной милици-

онер в квартире, что напротив... Это что ж, выходит, всё напрасно? Пиши или не пиши...

Тем временем у Дутова созрел тост:

– Я вот что хочу сказать: талантливые люди одиноки! Ну как примерно мы с тобой, – он наполнил рюмки. – Зато вот бездари кучкуются, а потому добиваются успеха, – и с явной злостью поглядел по сторонам. – Так выпьем же за то, чтобы таланту тоже изредка везло.

Мы чокнулись и выпили. Странно, но мне вдруг стало очень хорошо. Особенно после того, как выпили с Дутовым на брудершафт. Перчаткин – тот не в счёт. То ли навсегда пропал в занюханном сортире, то ли попросту сбежал. Похоже, не поверил в то, что удалось напиться на халяву.

Вечер, так грустно начинавшийся, медленно трансформировался в завершающую фазу, когда все люди братья, все женщины красивы, а сам ты и талантлив, и умён.

В общем, всё пока идёт как надо. Лишь бы успеть проспаться до утра...

Х

Удивительное дело, можно подумать, что сон – это приговор. Но что тут возразишь, если, стоит лишь закрыть глаза, как перед мысленным взором возникает Кира. Кира, сидящая у открытого окна, смотрящая с тоскою вдаль – туда, где чудится ей старая Москва, Пречистенка, Обухов переулок... и я. Ну, конечно, я! Как может быть иначе? Вот ведь и князь это однозначно подтверждает.

О, Господи! Как хочется её утешить! Сказать, что я по-прежнему люблю... Что, несмотря на все старания докторов, забыть её не могу, какие бы не прилагал усилия. Боль стихла, однако шрам остался на всю жизнь. И ничего, ну ничегошеньки мне с этим не поделаться...

Ах, как хотелось бы снова Киру повидать! Всё бы отдал, не пожалел бы даже своего романа. Только бы посмотреть на неё, сказать, что виноват... Но в чём?

– В том, что рога наставил князю.

Это ещё кто? Видимо, почудилось. Чего только с похмелья не бывает? На то и сон...

– Нет уж, так просто не отвертись!

Неужто снова князь? Да, узнаю по голосу – князь, он самый, собственной персоной.

– Чего пристал? Вроде бы всё обговорили...

– Так ли?

– Так или не так, но этой мой сон. Я тебя сюда не звал.

– Я тебя тоже не приглашал в свою квартиру.

Ну до чего ж назойливый! Не то слово – пристал как бан-
ный лист!

– Ты поосторожней со словами, когда разговариваешь с
титулованной особой.

– Вот ещё! Как хочу, так и говорю. Тем более, что нет
теперь ни князей, ни привилегированных сословий. Мы все
равны!

– Ха! Вот уж удивил! Кира всё упрекала меня в наивности,
а ты, как посмотрю, и вовсе не от мира сего. Нет, право же,
чудак!

В прежние времена счёл бы за честь поспорить с кем-то из
сиятельных. Ну а теперь что толку? Чем он-то сможет уди-
вить? Да я и сам всё знаю...

– Ой ли?

– Тогда про Киру расскажи.

– Вон чего захотел! Нет уж, на это не надейся!

В сущности, пустой, пустопорожний разговор. Так могут
болтать только нелюбимый муж и неудачливый любовник.
Было бы у князя с Кирой всё путём, не притащился бы в
Россию из Парижа. Эй, князь! Чего тебе там не сиделось?..
Молчит. Видимо, я угадал. А если так... Если так, значит,
есть ещё надежда. И в самом деле, вот напечатают роман. Со
временем за границей издадут, тогда и Кира прочтает... Но
вместо шороха страниц слышу, как сопит над ухом князь.

– Вы так свободно вторгаетесь в мой сон... Жаль, что не Кира.

– Вот ещё! И перестаньте её так называть. Имейте уважение к титулу княгини.

– Я Киру уважаю не за титул.

– За что ж ещё?

– Вам не понять.

– Так объясните!.. Сделай милость, – смеётся.

Вообще-то все эти переходы с «ты» на «вы»... Ну я-то ещё куда ни шло. Но князь!

– Послушайте, вы мне надоели.

– А ты возьми и донеси!

– Кляузы – это не по мне.

– Напрасно! Сообщил бы, куда следует, а там, глядишь, и роман твой сразу же издали бы огромным тиражом.

– Не вижу связи, – говорю, а сам, в общем-то, задумался.

– Вот-вот, подумай, не спеши! – князь еле сдерживает смех. – А что? Чем не вариант? Представь, приходишь в околоток... или как там у вас теперь... в НКВД и заявляешь, что по Москве бродит привидение, этакий фантом в обличье князя. Куда тебя после этого? Да прямиком в дурдом!

Князь оглушительно хохочет, буквально ржёт, как жеребец! Как бы соседей моих не разбудил... Похоже, весело до сих пор живут сиятельные. Эх, мне бы их заботы!

– Да что ты знаешь? – похоже, князь не на шутку возмущён. – Разве пришлось тебе жить на чужой земле? Скитаться

по городам и странам? Закладывать последнее, чтобы дать образование детям? Разве видел ты тоску в глазах своей жены, лишённой родины, оторванной от подруг, которых раскидало по всему свету? – князь перевёл дух. – А приходилось просыпаться по ночам с мыслью, что жизнь прожил понапрасну? Что всё, во что ты верил, теперь растоптано, разрушено и сожжено? Хоть вой от тоски, хоть бейся головой об стену...

Вот замолчал. Эй, князь! Так зачем же приходил?.. И откуда у князей такая страсть – таскаться ночью по чужим квартирам?..

Вся эта мешанина из княжеских признаний и пьяных откровений Дутова с Перчаткиным могла бы оставить меня попросту без сна. Проснувшись, я ворочался в постели чуть не до самого рассвета, размышляя о судьбе писателя и строя несбыточные планы. Однако что толку, если зреет ощущение, будто всё сделано не так, что уже прошло то время, когда можно что-нибудь исправить. Да, в чём-то князь был прав. Причём мы оба проиграли в этом деле. Всё будто бы так, если б не одно «но». Вот стал бы князь со мною говорить тогда, скажем, за год до Февраля, когда всё покатилося, а затем и рухнуло? Стал бы исповедоваться, жаловаться на несчастливую судьбу? Да он бы мимо прошёл, не глядя на меня, вполне довольный собой, уверенный в том, что достоин сладкой жизни, почестей и привилегий. Владелец поместий, деревенок, сын князя, внук князя... Бог знает, в каком

он там колене, если верить родословной! Нет, князь, всё рухнуло только для тебя. А я, даст Бог, ещё немного повоюю.

И вот под утро раздался телефонный звонок.

– С вами будет разговаривать Бэ-Эн, – сказала трубка.

Бэ-Эн... Да кто ж не знает Бориса Николаевича? Даже я...

Однако с какой стати удостоился? Вроде бы писем ему не посылал...

– Мы тут с товарищами посоветовались и решили наградить тебя памятной медалью «За оборону демократии», – сообщил Бэ-Эн. – Было предложение памятник тебе воздвигнуть у служебного подъезда... ну там, где ещё танк стоял... однако обслуга воспротивилась. Ему, говорят, такая честь, а нам по два раза в день на эту рожу пялиться. Так что не обессудь, чем богаты, как говорится, тем и рады.

Я сразу же представил Белый дом, вспомнил про то, как стоял под морозящим дождём. И баррикаду припомнил, и могучий танк... Но он-то откуда это знает?

– Да я что ж, я тоже рад, – промычал в ответ. – Только нельзя ли медаль заменить на что-нибудь пристойное?

– Это как же так? – опешил Бэ-Эн. – Нешто я тебе на грудь красный фонарь повесить предлагаю?

– Ой, что вы, Борис Николаевич! У меня к медалям очень трепетное отношение...

– Ну так бери, если дают.

– Да я бы взял, но тут, понимаете, вот какое дело, – с трудом собравшись с мыслями после вчерашней пьянки, даже

на время позабыв, что монархист, я осторожно высказал сомнение: – Демократия – это хорошо. Я даже очень рад, что отстояли. Вот только не могли бы вы призвать к ответу оглодов из демократического... тьфу, заговариваюсь... из драматического театра. Там моя пьеса с августа лежит, причём безо всякого движения.

– Что за пьеса-то? – в трубке засмеялись. – Случаем, не про меня?

– Если есть такая насущная потребность, я напишу! – честно заявляю.

– Ладно, тогда вместо медали отправлю-ка я тебя в командировку на Урал. Года тебе на эту пьеску хватит?

– Тогда уж лучше медаль, – я представил себе качество снабжения в каком-нибудь забубённом Златоусте, и мне отчаянно захотелось поработать... но только бы в Москве.

– Медаль, так медаль, – с некоторым сожалением пробурчала трубка. – Ладно, пьесу мы другому автору поручим. Так что, будут другие пожелания?

– Не знаю, как сказать, – замялся я, с трудом подбирая нужные слова. – Мало того, что театр... Тут вот ещё... тут в журнале меня и вовсе задолбали. Мбчи нет дольше такое отношение терпеть.

– Это как же так! – взревела трубка. – Разве можно над заслуженными демократами издеваться? Нет, погоди, мы с ними разберёмся. Ты только фамилию скажи.

– Как его... Чичиков... Чичерин... Ах, да! Перчаткин

есть такой. Вежливый господин, однако редкостная сволочь! Если приглядеться, оказывается, жулик ещё тот! Да и вся их мерзкая компания... – тут я припомнил отощавший кошелёк. – Лицемеры, бездари и оголтелые мздоимцы!

– Я сам лицемерить не люблю, а другим и вовсе не советую, – не на шутку рассердилась трубка. – Ты погоди. Я сейчас Лаврентию скажу...

– Ой, вот только этого не надо! – я уже пожалел о сказанных словах. – А нельзя ли как-нибудь иначе?

– Да ты пойми, садовая голова, у нас спокон веку эдак принято. Если, к примеру, ты чем власти не угодил – или на кол, или в штрафные роты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.